

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
КРАСНОЯРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им.
В.П.АСТАФЬЕВА
(КГПУ им. В.П. Астафьева)
Факультет филологический
Выпускающая кафедра современного русского языка и методики

Белоусова Екатерина Максимовна

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

Тема: Эмотивный компонент характеристики персонажа в аспекте
обучения филологическому анализу текста

Направление подготовки 44.03.05. Педагогическое образование

Направленность (профиль) образовательной программы "Русский язык и литература»

ДОПУСКАЮ К ЗАЩИТЕ

Зав. кафедрой кандидат филологических наук, доцент

Бебриш Н.Н.

Руководитель кандидат филологических наук, доцент

Ревенко И.В.

Дата защиты _____

Обучающийся Белоусова Е. М.

Оценка _____

Красноярск 2017

Содержание

Введение.....	3 – 8
Глава 1 Эмотивность в аспекте лингвистического описания.....	9 – 23
1.1. Определение базовых понятий.....	9 – 14
1.2. Языковые средства выражения эмотивности.....	14 – 23
Глава 2 Эмотивный компонент речевой характеристики персонажей в романе Замятина «Мы».....	24 – 42
2.1. Портретные описания персонажей и их соотношение с эмоциональным стереотипом и эмоциональным поведением.....	24 – 34
2.2. Эмотивное поле главного героя.....	34 – 39
2.3. Эмотивное взаимодействие героя и персонажей.....	39 – 42
Глава 3 Элективный курс как средство формирования навыков ФАТ.....	43 – 54
3.1. Характеристика и значение элективного курса как метода работы в школе.....	43 – 45
3.2. Рабочая программа элективного курса «Анализ художественного текста в аспекте семантической категории эмотивности».....	45 – 54
Заключение.....	55 – 57
Список литературы.....	58 – 63
Приложение А.....	64 – 65
Приложение Б.....	66 – 67
Приложение В.....	68 – 70

Введение

Человек, по словам Г.А. Золотовой, является «центральной фигурой языка и как лицо говорящее и как главное действующее лицо мира, о котором он говорит» [Золотова, 1982, с. 5]. Человек живет в природе и обществе, испытывает чувства к другим людям, мыслит, ощущает. И в процессе интерпретации мира, выражает к его отдельным объектам, их качествам, свойствам и т.п. свое эмоциональное отношение.

Современной науке известно огромное количество человеческих эмоций и их проявлений. Ученым удалось определить категорию базовых эмоций, то есть эмоций – которые присущи всем здоровым людям и которые одинаково проявляются у представителей самых разных культур, проживающих на разных континентах. Конкретное количество базовых эмоций не установлено, но многие исследователи относят к ним такие эмоции, как **интерес, радость, удивление, печаль, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд, смущение и любовь** [Изард, 1999].

«Формула эмоций обязательно включает в себя основание оценки: человек считает, что объект приятен/неприятен ему по моральным, этическим, социальным, политическим и иным причинам, что получает закрепление в языке» [Шаховский, 2010, с. 8]. На языковом уровне эмоции трансформируются в эмотивность [Шаховский, 2009, с. 13]. Эмотивность – это «имманентно присущее языку свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики; отраженные в семантике языковых единиц социальные и индивидуальные эмоции» [Шаховский 1987, с.24].

«Важным для изучения эмотивности в аспекте лингвистики текста является вопрос о функциях, которые данная категория в нем реализует» [Ревенко, 2016, с. 180]. Л.Г. Бабенко выделяет частные текстовые функции эмотивной лексики, относя к ним создание психологического портрета образа персонажей («описательно-характерологическая функция»), эмоциональную интерпретацию мира, изображенного в тексте и его оценку

(«интерпретационная и эмоционально-оценочная функции»), обнаружение внутреннего эмоционального мира образа автора («интенциональная функция»), воздействие на читателя («эмоционально-регулятивная функция») [Бабенко, 2009, с. 155]. Таким образом, внутренний (психологический) портрет персонажа, а именно его мысли, желания, создается, в том числе с помощью эмотивной лексики.

В основе создания художественного образа персонажа лежит прием типизации, то есть синтезирование в одном человеческом образе ряда типичных черт, которые писатель обнаружил у разных реальных людей.

В нашей работе мы используем термины «реальная личность» и «виртуальная личность». Термин реальная личность имеет широкую и узкую трактовку. Согласно первой, реальная личность – это человек как биологическое существо, в узком понимании с учетом соотношения с термином «персонаж», реальная личность – это прототип героя художественного произведения. Виртуальная личность – это персонаж, созданный писателем.

В аспекте эмотивности, мы можем говорить о наделении персонажа (виртуальной личности) способностью к переживанию и выражению эмоций средствами языка, которые в совокупности с внешним описанием создают его характеристику. Именно такой разноаспектный взгляд (внешняя характеристика персонажа и его эмотивный портрет) дает возможность наиболее полно понять персонаж, увидеть замысел автора произведения.

На современном этапе развития лингвистической науки вопрос о месте категории эмотивности в характеристике персонажа художественного произведения продолжает разрабатываться. В результате рассмотрения нескольких работ, в которых уделяется внимание анализу эмотивного портрета персонажа, был сделан вывод о том, что, одним из компонентов исследований была задача определить преобладающие эмоции в произведении и «разновидности эмотивных смыслов, входящих в структуру образов автора и персонажа». [Омарова, Дарбишева, 2015, с. 144]. В работах

говорится об особой значимости эмотивной лексики для понимания замысла автора [Дмитриева, Акимова, 2011]; уделяется внимание гендерному аспекту проблемы с учетом того, что автор статьи делает акцент на ориентации рассматриваемых им произведений на женскую аудиторию (материал для исследования – женские романы) [Анисимова, 2009], в то время как мы в данной выпускной квалификационной работе выделяем гендерный аспект в рамках теории эмотивности для подтверждения или опровержения факта о том, что женщины эмоциональнее мужчин даже в том совершенном обществе, которое создал Е.И. Замятин на страницах романа «Мы», используемого нами как материал для исследования.

Наша работа имеет определенную **новизну**, поскольку, исследуя эмотивный компонент характеристики персонажей художественного произведения, мы, во-первых, сопоставляем внутренний и внешний портреты героев и, во-вторых, в романе-антиутопии сталкиваемся с описанием идеального общества, освобожденного от эмоций, что составляет определенный интерес с точки зрения поиска подтверждения концепции о том, что окончательное избавление человека от эмоций и превращение его в рациональный механизм невозможно.

Для исследования вопроса значения категории эмотивности в характеристике персонажа художественного произведения нами был выбран роман Е.И. Замятина «Мы». Эта антиутопия – «миф о городе-цивилизации, умерщвляющем в человеке душу, жалость, фантазию, страсть, любовь и тоску по матери, отцовские чувства» [Кольцова, 2005, с. 30]. Мы наблюдаем победу разума над фантазией. «В романе <...> разоблачается предельная рационализация жизни, превращающая человека в бездушный механизм» [Струве, 2014, с. 535]. Персонажи романа это некие схемы, какими их представляет главный герой Д-503, и весь мир романа-антиутопии схематичен, математичен, содержит в себе лишь яркие, акцентные образы.

Обращение к этому роману было вызвано интересом к факту о том, что человек – существо эмоциональное; вне зависимости от проявления эмоций,

мы их испытываем. Поскольку в романе-антиутопии «Мы» описано государство, цель которого заключается в обезличивании человека, что непосредственно связано с избавлением его от эмоций, любопытно было проследить реализацию идеи «бездушного» общества.

Актуальность исследования обусловлена тем, что для современной лингвистики характерен антропоцентризм. Ученые признают его ведущим принципом современной науки. Его применение в лингвистике привело к выделению ряда языковых категорий, в частности, категории эмотивности.

Цель работы состоит в описании эмотивного портрета главного героя романа Е. И. Замятина «Мы»

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. определить на основе проблемного анализа лингвистической литературы базовые для данной работы термины;
2. описать языковые средства представления эмотивности;
3. проанализировать соотношение между внешним и эмотивным портретом персонажей;
4. описать эмотивное поле главного героя;
5. выявить особенности эмоционального взаимодействия главного героя с другими персонажами на уровне языковых средств;
6. разработать элективный курс для старших классов средней школы.

Объектом исследования данной выпускной квалификационной работы является категория эмотивности.

Предметом исследования являются эмотивы в структуре речевой характеристики персонажа.

Для достижения поставленной цели и реализации задач исследования были использованы следующие **методы**:

1. метод реферирования;
2. метод компонентного анализа;
3. метод контекстного анализа;

4. элементы количественного метода;
5. прием сплошной выборки.

Практическая значимость состоит в возможности использования материалов исследования при обучении анализу художественного текста в рамках элективного курса.

Структура дипломной работы включает в себя следующие разделы: введение, основную часть, состоящую из 3-х глав, заключение, список использованной литературы и приложения.

Введение раскрывает актуальность выбранной темы, а именно обращением ученых-лингвистов к антропоцентризму и выделению категории эмотивности в ряде языковых категорий лингвистики, определяет объект и предмет, цель и задачи, методы исследования. Введение раскрывает практическую значимость работы, заключающуюся в возможности использования материалов исследования при обучении анализу художественного текста в рамках элективного курса.

В первой главе рассматриваются понятия «эмоции», «чувства», «эмоциональность», «эмотивность» с точки зрения разных наук и, в первую очередь, лингвистики; анализируются работы ученых-лингвистов по теории эмотивности, на их основе выявляются языковые средства, которые выражают эмотивность на языковом уровне и в тексте художественного произведения, в частности.

Вторая глава посвящена исследованию эмотивных полей персонажей романа Е.И. Замятина «Мы», соотношению внешнего вида героя с его эмотивным портретом, определению степени эмоциональности персонажей.

Третья глава представляет собой разработку элективного курса «Анализ художественного текста в аспекте семантической категории эмотивности».

В заключении подводятся итоги исследования, формируются выводы по рассматриваемой теме.

Фрагменты данной выпускной квалификационной работы были представлены в виде докладов по темам: 1) «Лексико-фразеологические средства в характеристике персонажей романа Е.И. Замятина «Мы» (Научный руководитель: Васильев Александр Дмитриевич – профессор ВАК, доктор филологических наук) на XVI Международном научно-практическом форуме студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь и наука XXI века» в секции «проблемы изучения идиостиля писателя». В результате выступления получена почетная грамота за III место;

2) «К вопросу о взаимосвязи внешнего облика персонажа и его эмотивного портрета. (На материале романа Е.И. Замятина «Мы»)» (Научный руководитель: Ревенко Инна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания КГПУ им. В.П. Астафьева) на XVIII Международном научно-практическом форуме студентов, аспирантов и молодых ученых «Молодежь и наука XXI века», посвященного 85-летию КГПУ им. В.П. Астафьева в секции «Актуальные проблемы в СРЯ». В результате выступления получен диплом за III место.

Глава 1. Эмотивность в аспекте лингвистического описания

1.1. Определение базовых понятий

Язык является гибким инструментом для отражения окружающей действительности и отношения человека к ней. Наш внутренний мир – это отражение мира внешнего, его событий в каждом конкретном человеке; это индивидуальное познание жизни каждым, накопление опыта, самопознание. Своеобразным откликом на происходящее вокруг человека (события, взаимоотношения людей друг с другом) являются его эмоции и чувства.

«Вопросами, связанными с изучением эмоций, занимаются представители разных наук, предлагая свои подходы и выделяя разные аспекты. Так, французский психолог конца 19 века А. Бине выдвинул и верифицировал гипотезу о первоначальном возникновении мысли в ее еще довербальной форме в виде эмоционального образа. К. Изард – выдающийся психолог современности более уверенно утверждает, что человеческие эмоции детерминируют мысли», то есть обуславливают их, «тем самым подтверждая гипотезу А. Бине» [Шаховский, 2010, с. 7].

Количество концепций и теорий эмоций возросло в связи с неразработанностью ряда фундаментальных проблем, связанных с эмоциями человека (их исчисление, классификация). В современных науках существуют такие теории эмоций: «биологическая, определяющая эмоцию как реакцию для более полноценного приспособления организма к окружающим его условиям; психологическая и неврологическая теория, связывающая эмоции с изменениями плотности нейронной стимуляции; социально-информационная теория» [там же, с. 10], в которой речь идет об эмоциях, как особом механизме, компенсирующем дефицит сведений, необходимых организму для удовлетворения тех или иных потребностей; теория дискретности эмоций, основанная способности человека к разграничению эмоций при их переживании и выражении, понимании их различий; прототипная теория, основанная на том, что «эмоция – это форма

оценки субъектом объекта мира» [Шаховский, 2010, с. 10], т.е. испытывая какую-либо эмоцию, человек ассоциирует ее с положительной, отрицательной или нулевой оценкой.

Эмоции являются объектом исследования многих дисциплин (психологии, психиатрии, антропологии, философии, лингвистики и др.), однако ни одна из перечисленных областей знания не обладает собственными внутринаучными методами для всестороннего описания эмоций и «так или иначе вынуждена прибегать к материалам и заключениям других наук» [Клобуков, 1998, с. 110]. Таким образом, эмоции являются некой точкой пересечения разных аспектов научной мысли, которые вынуждены прибегать к опыту других, дабы продолжать развитие, которое невозможно в одиночку.

В науке не сложилось единой, непротиворечивой теории эмоций, что обусловлено различиями в понимании сути феномена и в подходах к его изучению.

Вопрос, формируются ли эмоции в культуре отдельного народа или они универсальны и свойственны в равной мере каждому индивидууму независимо от среды его обитания является одним из основных. Существует два подхода к решению данной проблемы: «древнейший, которого придерживался еще Аристотель, зиждется на допущении, что эмоции универсальны, т.е. в равной мере присущи всем людям и вытекают из общей и единой природы человека, его неконтролируемой психики» [Клобуков, 1998, с. 112]. Позднее такой подход получил научное объяснение, в исследованиях Ч. Дарвина, который изучал эмоции человека и животных, а также эмоциональную мимику.

При изучении эмоций ученые, с одной стороны, говорят об их универсальности (эмоции испытывает любой человек вне зависимости от национальности, возраста, пола), но, с другой стороны, активно дискутируют по поводу национальной специфичности эмоций (обусловленности менталитетом, темпераментом) в наборе и характере их проявления. Это вызвала необходимость в определении базовых эмоций. При разработке этого

вопроса учитывали комплекс факторов, поскольку эмоции выражаются как вербально, так и авербально. Так были проведены кросс-культурные исследования выражения лица, отражающего различные эмоции, в результате ученые констатировали набор шести базовых эмоций. «Эти эмоции считаются пан-культурными, по крайней мере с точки зрения мимического выражения. К ним относятся гнев / злость / раздражение, отвращение / неприятие, страх / ужас, счастье / радость, грусть / печаль, удивление. Иногда к разряду базовых относят и эмоцию презрение / высокомерие, также имеющую специфическое выражение, узнаваемое в различных культурах» [там же].

«Нелингвистические науки накопили достаточно большой объем антропоориентированных знаний, которые позволили поднять вопрос об эмоциональности языка человека, о языковых эмоциях, или о том, как эмоции проникают в язык человека» [Шаховский, 2010, 14]. Это неоспоримо важные вопросы, поскольку, как пишет Т.И. Вендина, «будучи явлением социальным, язык обладает свойствами социальной предназначенности, т.е. определенными функциями» [Вендина, 2002, с. 24], среди которых нам важны: «коммуникативная (быть средством человеческого общения) и эмоциональная или экспрессивная (быть средством выражения чувств и эмоций человека)» [Вендина, 2002, с. 24].

Корни изучения эмоций в языке восходят к спору о том, должна ли лингвистика заниматься эмоциональными составляющими. «Современно звучит мысль французского лингвиста М. Бреалья о том, что речь была создана не для описания, повествования и непредвзятых рассуждений, а для того, чтобы выразить желание, делать предписания, а все это не может быть произведено без эмоционального сопровождения» [Шаховский, 2010, с. 15].

Наиболее тесное взаимодействие при изучении эмоций наблюдается между лингвистикой и психологией. Несмотря на многогранность эмоций и трудность их толкования, на которые указывает К. Изард, психологам удается создавать научные концепции, в которых концентрируются многие схожие

взгляды на вопрос определения понятия эмоций.

Эмоции – это проявление субъективного отношения человека к окружающей его действительности и к самому себе. Любовь, горе, блаженство, жалость, радость, ревность, страх, гнев – вероятно, не найдется конца словам, которые определяют различные виды и оттенки эмоций. В жизни человека эмоции играют очень важную роль. Они отличаются от других психических процессов, но отделить их трудно, так как они сливаются в едином переживании человека.

Большинство ученых-психологов сходятся во мнении, что понятия «эмоции» и «чувства» связаны, но не тождественны. Четкое разделение эмоций и чувств дано А. Н. Леонтьевым [Леонтьев, 1971]. Он основывается на ситуативном характере эмоций, т.е. их способности выражать оценочное отношение к наличной или потенциальной ситуации, а также к оценке человеком собственной деятельности в этих ситуациях. Чувство, по мнению ученого, напротив, носит отчетливо выраженный объектный характер и характеризуется как устойчивое эмоциональное отношение. А.Н. Леонтьев замечает, что эмоции и чувства могут противоречить друг другу. И это замечание существенно, поскольку, например, любимый человек может вызвать в определенной ситуации эмоцию гнева. Таким образом, «прямого соответствия между чувствами и эмоциями нет: одна и та же эмоция может выражать разные чувства, и одно и то же чувство может выражаться в разных эмоциях. Не проявляя внешне эмоций, человек скрывает от других и свои чувства» [Ильин, 2001, с. 288].

Эмоции принято делить на положительные (позитивные) и отрицательные (негативные). Как считает К. Изард, на отнесение эмоции к разряду позитивных или негативных влияет то, какое воздействие эмоция оказывает на личность человека и на процессы его взаимодействия с социумом.

Вопрос об определении базовых эмоций остается открытым, поскольку среди ученых-психологов нет единого мнения, какие эмоции включать в

список основных.

В нашей работе мы будем опираться на концепцию эмоций К. Изарда, поскольку она признана большинством психологов. Ученый выделяет такие базовые эмоции: интерес, радость, удивление, печаль, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд, смущение (застенчивость), вина, любовь.

«Эмоции – одна из важнейших сторон психических процессов, характеризующая переживание человеком действительности» [Лебединский, Мясищев, 1966, с. 222]. Соответственно, насколько чутко человек воспринимает действительность, чувствует ее влияние на себе и других людях, настолько глубже его переживания. «Любая эмоция представляет собой сложную интегрированную психофизиологическую систему (состояние), включающую в себя специфические проявления подсистем. Причем у разных индивидов степень проявления этих подсистем значительно варьирует» [Ильин, 2001, с. 30], например, наиболее частотны случаи бурного проявления экспрессии именно у легковозбудимых, эмоциональных людей.

Сам термин «эмоциональность» среди ученых вызывает споры. Но у различных определений есть общие черты, например, такие как, тенденция соотносить эмоциональность с возбудимостью, гиперчувствительностью, динамичностью. Этой точки зрения придерживались П. Фресс, Б.М. Теплов, В.С. Мерлин и другие. В частности П. Фресс под эмоциональностью понимал «черту личности – чувствительность к эмоциогенным ситуациям» [П. Фресс, 1975, с. 181]. В нашей работе мы будем опираться именно на это определение термина, понимать эмоциональность как «синоним гиперэмоциональности, то есть проявление более частых и более сильных эмоциональных реакций, чем это обычно свойственно людям» [Ильин, 2001, с. 234].

Проникая сквозь всю речевую деятельность человека, эмоциональность «закрепляется в семантике слова в качестве спецификаторов различных эмоциональных состояний человека» [Шаховский, 1994, с. 20]. Поэтому при исследовании языка важно учитывать эмотивную семантику слова, которую в общем виде можно определить как «опосредованное языком отношение

эмоционально-социологизированных представлений человека к окружающему миру» [там же, с. 20].

Трансформация эмоций на языковом уровне приводит к формированию эмотивности, не психологической категории, а языковой. Результатом отражения эмоций в слове в процессе их вербализации и семантизации является эмотивный компонент.

Таким образом, понятия эмоции, чувства, эмоциональность и эмотивность принадлежат разным областям знаний – психологии и лингвистике, но благодаря эмотивности – свойству языка выражать эмоциональность, эти категории тесно взаимосвязаны. В нашей работе мы рассмотрим эмоции в лингвистическом аспекте, то есть непосредственно в их языковом проявлении.

1.2. Языковые средства выражения эмотивности

Многие исследователи, определяя эмотивность как семантическую категорию, акцентируют внимание на ее номинативном аспекте. Другие, рассматривая разноуровневые языковые и речевые средства выражения эмотивности, считают функциональный аспект наиболее важным

Сущностью эмотивности, по В. И. Шаховскому, является «отображение в семантике слова типизированного эмоционального отношения говорящего к миру, а ее функцией — выражения этого отношения, его доведение до сведения адресата через соответствующую вербальную форму» [Шаховский, 1994, с. 21]. Ученый вводит понятие эмотива. В самом общем определении эмотив – это языковой знак, способный отражать эмоцию, т.е. переводить психическое в вербальное. Эмотивом может быть не только аффикс, слово, фразеологизм или предложение, но и текст, включающий эмотивы других языковых уровней. «По мнению В.И. Шаховского, языковые средства

категории эмотивности представляют собой определенную систему, поле, в центре которого располагаются разноуровневые элементы, в семантике которых преобладает эмотивно-оценочный компонент. Думается, на периферии могут находиться единицы, обладающие потенциальной эмотивностью, а также те эмотивы, компоненты коннотации которых могут нейтрализоваться в контексте» [Коростова, с. 87]. Этот подход предполагает полисистемный анализ языкового материала, который имеет первостепенное значение в разработанной А.В. Бондарко модели функциональной грамматики. «Этот тип анализа лег в основу выделения функционально-семантических полей, в составе которых выступают разноуровневые единицы, классы и категории, объединенные общностью семантических функций» [Коростова, с. 87]. Категория эмотивности отвечает всем названным критериям, на что указывал В.И. Шаховский. «Ученый рассматривает категорию эмотивности на уровне лексико-семантического поля, которое, по его мнению, является одной из микросистем функционально-семантического поля эмотивности» [Коростова, с. 87].

В.И. Шаховский говорит о том, что лексическая семантика слов формируется из трех компонентов: логико-предметного, эмотивного и функционально-стилистического. Дадим им характеристику.

Логико-предметный компонент обозначает денотат и выполняет номинативно-идентифицирующую функцию, например, *ребенок*.

«Эмотивный компонент варьируется в двух языковых статусах: значение и созначение. Функцией эмотивного значения является самостоятельное <...> отношение говорящего к миру [все нецензурные слова, а также слова типа тьфу, ах, ура, увы, ого, фу, сногшибательная (блондинка), жуть, кошмарно и т.п.], а функцией эмотивной коннотации является эмоциональное сопровождение логико-предметной номинации, передающее эмоциональное отношение говорящего к объекту наименования в целом или к его отдельным признакам» [Шаховский, 1994, с. 21].

Выбор употребления слова, значение которого соответствует конкретной

ситуации речевого общения, учитывая взаимоотношения коммуникантов, их эмоциональные позиции, сферу общения, регулирует функционально-стилистический компонент. Таким образом, он относит определенное название объекта (с эмоциональной или нейтральной семантикой) к соответствующей типизированной речевой ситуации. Например, при сравнении таких слов, как *чердак* и *голова*, становится понятно, что употребляться они будут в разных сферах общения и, возможно, с разной эмоциональностью.

«Различные комбинации указанных компонентов формируют варианты лексической семантики отдельных типов слов. Если эта семантика представлена только логико-предметным и соответствующим ему функционально-стилистическим компонентами, то лексическое значение слова не эмотивно. Когда в семантике слова представлены все три компонента, то лексическое значение слова эмотивно-коннотативное, а если только эмотивный и соответствующий ему функционально-стилистический компоненты — то эмотивно-аффективно. Собственно эмотивными являются два последних типа слов» [Шаховский, 1994, с. 22]. Контекстологи отмечают, что некоторые слова в определенных контекстах могут «приобретать» эмотивное значение из контекста.

Л.Г. Бабенко, отвечая на вопрос, каким образом эмоции отображаются в языке, выделяет два способа обнаружения эмоции: через «эмоциональное сопровождение, эмоциональную окраску» (проявляется в виде эмоциональных оценок и представляет собой результат проекции в речи говорящего его эмоционального состояния) и «языковые знаки» (объективно существующую реальность)» [Бабенко, 1989, с. 11].

«Являясь функционально-семантической категорией, эмотивность приобретает категориальный статус на различных уровнях языковой системы – лексическом, фонологическом, на уровне предложения и текста» [Ревенко, 2016, с. 180]. Полевый подход к изучению языковых категорий предполагает

выделение ядра и периферии. К ядру относят те языковые единицы, которые максимально специализированы для выражения ведущей для поля семантики. Если говорить об эмотивности как функционально-семантической категории, то к ее ядру, прежде всего, следует отнести лексические и синтаксические средства.

Рассмотрим лексический уровень выражения эмоций в языке.

Лингвисты сходятся во мнении, что лексические средства играют ведущую роль в раскрытии эмотивного потенциала языка. Для языковедческих исследований характерно стремление выделить из общего спектра лексических единиц четко отграниченный (и ограниченный) круг «эмоциональной лексики» (т.е. стремление противопоставить эту лексику так называемой «нейтральной») [Адамчук, 1996, с. 14]. Однако многообразие лексических средств эмотивности объясняется именно способностью любой, в том числе нейтральной (общеупотребительной, общелитературной) лексики, неэмотивной в языке, приобретать функционально эмотивное значение в определенной речевой ситуации (контексте) [Шаховский, 1987, с. 101].

Согласно В. И. Шаховскому в лексический состав языка входят два вида слов, так или иначе передающих человеческие эмоции и эмоциональные проявления. Он определяет эти два вида как **эмотивную лексику и лексику эмоций**. Эти категории принято различать в соответствии с тем, содержится ли эмотивный элемент в их смысловом значении. Развивая мысль В.И. Шаховского, Л.Г. Бабенко относит к эмотивной лексике «совокупность слов с эмотивной семантикой в статусе значения (слова-аффективы, выражающие эмоциональное состояние говорящего – бранная лексика, междометия и междометные слова: *ой, ах, ужас* и т.д.) и в статусе созначения, или коннотации (слова, передающие эмоциональное отношение говорящего к предмету номинации или его признакам: *несчастный, инженершишка, младчик* и т.д.); а к лексике эмоций – слова, не выражающие эмоции непосредственно, а называющие их (страх, обожание, нежность и т.д.)»

[Бабенко, 1990, 4].

Эмотивный потенциал текста составляют лексические единицы, которые не являются наименованием или непосредственным выражением эмоции, а раскрывают эмоцию путем описания ее признаков. С.В. Ионова относит к такой лексике слова, указывающие на причину, результат, косвенный признак эмоции, а также слова, обозначающие способы невербального выражения эмоций: *светиться (от счастья)*, *зеленеть (от зависти)*, *хлопать в ладоши (от радости)* и др. [Ионова, 1998, 69].

В качестве еще одной составляющей эмотивного потенциала текста исследователями выделяются **фразеологизмы**. «Широкие эмотивные «возможности» фразеологизированных единиц в некоторой степени объясняются их семантической гибкостью: фразеологизмы могут обозначать как общие понятия, характерные для данного класса объектов, так и напрямую соотносимые с ними единичные понятия» [Кунин, 2005, с. 160]. По определению Кузьмина, фразеологизм – это «метафора, перешедшая с уровня речи на уровень языка» [Кузьмин, 2004, с. 7]. «Эмотивность порождается именно метафорической образностью фразеологических единиц, поэтому связь между фразеологизмами и эмотивностью во многих исследованиях (в частности, в работах М.Н. Кожинной и В.Н. Вакурова) определяется как причинно-следственная» [Стрельницкая, 2010, с. 134].

Следует заметить, что «эмотивные фразеологические единицы широко употребляются в устной и письменной речи, как мгновенная, непосредственная реакция на какое-либо явление, ситуацию, высказывание собеседника и т.д. В зависимости от речевой ситуации, интонации, мимики, жестов, интеръекционное высказывание может передавать различные эмоционально-волевые реакции субъекта. В речи они используются в «готовом виде», то есть обладают воспроизводимостью, образностью и экспрессивностью, что определяет их семантические и структурные особенности как фразеологической единицы.

Эмотивные устойчивые сочетания имеют большое значение в процессе коммуникации, непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего» [Парсиева, Гацалова, 2012, с.47].

Далее рассмотрим синтаксические средства, выражения эмотивности в языке. Стрельницкая Е.В. выделяет несколько важных составляющих эмотивного потенциала текста на синтаксическом уровне.

Во-первых, тяготение определенных эмоций к определенным коммуникативным типам высказывания. Например, так называемые, «активные» эмоции (например, гнев, ликование, изумление) имеют тенденцию выражаться в восклицательных и вопросительно-восклицательных предложениях, а «пассивные» эмоции (грусть, скука) - в повествовательных.

Во-вторых, препозитивное положение эмотивных составляющих по отношению к неэмотивным элементам в предложении.

В-третьих, конструкции, приближенные по своему строению к оборотам разговорной речи: эллиптические предложения, различные типы повторов.

В-четвертых, специализированные безличные конструкции со значением физического и эмоционального состояния, основанные на использовании глаголов страдательного залога и предикатов эмоционального состояния (*ему было совестно, ей было грустно*) [см. Стрельницкая, с. 163].

Наряду с лексическими и синтаксическими средствами выражения эмотивности в языке, **грамматические средства** являются чрезвычайно важной частью эмотивных ресурсов языка. Они отличаются большим разнообразием и дают широкие возможности автору текста для передачи собственных эмоций или для изображения эмоций персонажей» [Парсиева, Гацалова, 2012, с. 3].

Эмотивный языковой фонд постоянно пополняется в процессе интеръективации, т.е. перехода слов в грамматический класс междометий,

которые в морфологии рассматриваются как языковые знаки эмоций. Выделяются эмотивы, образованные от имен существительных, имен прилагательных, глаголов, наречий, частиц, звукоподражательных слов, устойчивых сочетаний. Переход слов из одной части речи в другую наблюдается в языке неизменно постоянно. Слова, используемые в качестве эмотивов, параллельно могут употребляться и в своем исходном значении. В.Т. Косов рассматривает это как процесс распада слова на омонимы: «знаменательное слово с прежним лексическим значением и эмотив с новым лексическим значением – выражение эмоций или волеизъявления» [Косов, 1963, с. 21].

Говоря о **субстантивных языковых единицах** следует заметить, что «в русском языке большое количество эмотивов образовано от вокативных форм имен существительных: *батюшки, Боже, Господи, мама, мамочки, матушки* и др. Переходу вокативов в интеръективизмы способствовала в первую очередь утрата именами существительными вследствие исторического развития русского языка звательной формы. Эта утрата привела к отсутствию у застывших эмоционально окрашенных звательных форм омонимов в системе форм имени существительного, что ускорило процесс десемантизации, начавшийся при архаизации данных понятий» [Середа, 2005].

«Значительное количество производных эмотивов соотносятся с **глагольными формами**. Среди них выделяют следующие группы:

а) не имеющие функциональных омонимов в глагольных формах: *прыг, хватать, толк, скок* и т.д.

б) имеющие функциональные омонимы в современных глагольных формах: *видал!, подумаешь!, слушай!* и т.д. [Середа, 2005].

В современном языке **наречные эмотивы** в большинстве случаев являются волитивными, в частности, императивными. В.В. Шигуров выделяет три группы адвербиальных образований, перерождающихся в эмотивы:

1) неизменяемые наречия *где, куда, как, пока, вон, долой, прочь*, не имеющие категории степеней сравнения, сохраняющие при интеръективации признак неизменяемости. Ср.: *Посидите пока здесь! Завтра увидимся. Пока!; Где живешь? Ты идешь с нами? – Где, работы навалом...* Ввиду отсутствия словоизменительной парадигмы у наречий этого типа создается благоприятная морфологическая база для их функционально-семантической перестройки и превращения в эмотивы.

2) изменяемые наречия, обладающие категорией степеней сравнения типа *прямо, довольно, полно, смиренно, горько*. Наличие парадигмы указанной категории, не препятствует их преобразованию в соответствующем контексте в эмотивы. При этом интеръективации они могут быть подвергнуты в форме как положительной (*горько, смиренно, хорошо* и др.), так и синтетической сравнительной степени (*тише*). Интеръективная транспозиция у таких наречий сопряжена с утратой категории степеней сравнения: признак изменяемости заменяется у них признаком неизменяемости.

3) единичные изменяемые наречия в форме положительной степени типа *полно*, сохраняющие при интеръективации признак изменяемости. Своеобразие и парадоксальность ситуации заключается в том, – пишет В.В. Шигуров, – что «следствием транспозиции наречий данной разновидности в императивные интеръективы является смена парадигм. С одной стороны, они утрачивают категорию (парадигму) степеней сравнения, а с другой – приобретают под явным влиянием глагольного императива категорию (парадигму) числа. Ср.: *Этот студент полно излагает материал на экзамене* (наречие в форме положительной степени; ср.: *полней, более полно, наиболее полно*) *Не расстраивайтесь! Полноте! Сколько можно...* [гибрид, не имеющий категории степеней сравнения (*полноте – полней* и т.п.), но изменяющийся по числам: (*полноте – полно*)»] [Шигуров, 2004].

Обращаясь к проблеме выделения эмотивов, производных от частиц и звукоподражаний, исследователи испытывают значительные трудности, возникающие при определении принадлежности языковой единицы к

интеръективам. Чаще всего такого рода сложности возникают при необходимости дифференциации эмотивов и частиц.

«Рассматривая вопросы определения семантических границ эмотивных интеръективизмов и модальных частиц, И.А. Шаронов указывал, что при всей близости употребления репликовых эмоциональных частиц и эмоциональных интерективизмов между двумя группами можно провести границу. Единицы, являющиеся намеренными и адресованными, использующимися исключительно в диалоге репликами, должны рассматриваться отдельно от единиц, выражающих непроизвольные, неадресованные восклицания, служащие реакциями на любой внешний (необязательно речевой) стимул» [Цит. по Парсиева, Гацалова, 2012, с. 43]. Таким образом, следует учитывать наличие/отсутствие «собственного интонационного контура», адресованность, направленность речевой единицы.

Парсиева Л.К. и Гацалова Л.Б. придерживаются мнения, что звукоподражательные слова и эмотивы (интеръективизмы) являются единицами разной структурно-семантической организации и должны рассматриваться как самостоятельные единицы в языке. Однако в процессе интеръективации звукоподражания могут приобретать эмотивный статус. В устной разговорной речи наблюдается окказиональное использование звукоподражаний в роли эмотива, например, зафиксированный нами случай передачи грусти, сожаления посредством эмотива, производного из звукоподражания «мяу»:

- А Славка придет на встречу?
- Откуда? Он три дня назад уехал...
- Мяу! Как жалко, я его так и не видела...

«Достаточно часто звукоподражания лежат в основе эмотивов-неологизмов, функционирующих в молодежной речи: *бэми, хобана, бздыньк и т.п.*» [Середа, 2005].

«Волитивные производные интеръективы, как и непроизводные

интеръекционные единицы, выражают: побуждение к действию, призыв к прекращению действия, обращение к определенному лицу. Выделяют волитивные интеръекционные единицы, обращенные к человеку и обращенные к животным. Среди волитивных производных интеръективов можно выделить группы по сфере применения: интеръекционные единицы, употребляемые в военном деле, язык охотников и т.д.» [Парсиева, Гацалова, 2012, с.60].

В пространстве художественного текста «категория эмотивности может реализовываться также формально, вследствие взаимодействия языковых средств, т.е. не всегда непосредственно словами отражать эмоциональное отношение. Учитывая формальные признаки проявления эмотивности, можно выделить эксплицитные и имплицитные эмотивные средства» [Карпова, 2011]. Имплицитный способ представления эмоций характеризуется их физиологическим проявлением, т.е. учитывая теорию базовых эмоций К. Изарда и личный коммуникативный опыт, покраснение лица, можно отнести к базовой эмоции стыда или застенчивости, но следует учитывать и контекст ситуации общения. Имплицитно способ представления эмоции показан и через описание окружающего мира, т.е. «эксплицитная оценка эмоциональной ситуации не дается, но полностью воспроизводится в художественном тексте. Характер эмотивности определяется здесь на основе эмоционального опыта читателя» [Ленько, 2014, с. 194].

Подводя итог, скажем о том, что в жизни невозможно найти ситуацию, в которой человек не испытывал бы никаких эмоций. Эмоции являются своеобразными регуляторами деятельности человека, выполняют ряд важнейших функций общения, позволяя человеку взаимодействовать в социуме. Эмоции на языковом уровне закрепляются в лексике, фразеологии, грамматике и синтаксисе, получают особые черты при описании, т.е. «эксплицируются из человеческого бытия и категоризируются в языке» [Конюхов, 2014, с. 107].

Глава 2. Эмотивный компонент речевой характеристики персонажей в романе Замятина «Мы»

2.1. Портретные описания персонажей и их соотношение с эмоциональным поведением

Вопрос о функциях категории эмотивности в аспекте лингвистики текста, несомненно, важен. Описательно-характерологическая функция, выделяемая Л.Г. Бабенко представляется нам одной из ведущих, поскольку психологический портрет образа персонажа свидетельствует о свойствах характера и внутреннего мира героя, что является значимым для понимания смыслов литературного произведения.

В аспекте эмотивности, мы можем говорить о наделении персонажа (виртуальной личности) способностью к переживанию и выражению эмоций средствами языка, которые в совокупности с внешним описанием создают его характеристику. Именно такой разноаспектный взгляд (внешняя характеристика персонажа и его эмотивный портрет) дает возможность наиболее полно понять персонаж, увидеть замысел автора произведения.

В романе «Мы», выбранном нами для исследования категории эмотивности, Евгений Иванович Замятин – его автор – создал антиутопический мир Единого Государства, где у людей нет имен, все они – номера. Имена персонажей – буквы и цифры. Их реальность – геометрические фигуры зданий, жизнь – череда спланированных событий, следующих один за другим по расписанию.

Персонажей в романе совсем немного. Читатель видит их глазами героя-повествователя Д-503. Он — математик, инженер, главный строитель — человек, если говорить о стереотипах и типизации, лишенный воображения, чувств, тяги к прекрасному и нестандартному. Он — гражданин Единого Государства, где мечта и воображение считаются болезнью.

«Математика» романа включает в себя как алгебру, так и геометрию,

определяющую технику создания образов — как самого города, так и населяющих его граждан. Д-503 предрасположен видеть мир «глазами геометра», а потому часто описывает других людей как геометрические фигуры: окружности (персонаж О-90), прямые (персонаж I-330), S - образные формы (персонаж S-4711) [Кольцова, 2005, с. 24].

Замятин не описывает лицо, а схватывает отличительную черту и уже о ней не забывает. В описании внешнего облика персонажа всегда есть лейтмотив, преимущественно зрительный, вещный. Иногда возникающий по закону метаморфического уподобления, еще чаще — через деталь, замещающую целое. Деталь навязывается... Образ, однажды установленный, проходит через все произведение. Определенная характеристика, развернутый эпитет сопровождают героя через весь роман.

В данной части выпускной квалификационной работы мы акцентируем внимание на взаимосвязи внешнего облика персонажа и его эмоционального поведения.

Мы рассмотрим основные женские персонажи романа, а именно I-330 и О-90, поскольку, во-первых, описание мужских персонажей встречается гораздо реже, описания их внешности менее детальны. Во-вторых, именно женщины являются катализатором большинства действий главного героя романа Д-503, имея с ним постоянный личный контакт. В-третьих, существует некий стереотип о том, что женщины более эмоциональны, и мы в ходе своего исследования хотели посмотреть, отражается ли он в романе, поскольку в антиутопии описано государство, цель которого заключается в обезличивании человека, что непосредственно связано с избавлением его от эмоций.

Героини I-330 и О-90 противоположны друг другу внешне и внутренне. Лейтмотивами О становятся окружность и синий цвет (т. е. цвет ее глаз). «Круглое» начало в О подчеркивается и формой ее тела и самим именем: «О, совсем другая, *вся из окружностей, с детской складочкой на руке*» [Замятин, 2005, с. 47], «*Круглые, крошечные руки у меня на рукаве, круглые синие глаза:*

это она, О.» [там же, с. 185]. Геометрическая фигура – круг – говорит нам о мягкости героини О-90, в ней нет угловатости. Розовые губы, синие глаза и округлость фигуры составляют ее образ. Она женственна.

Её роль в жизни Д-503 велика, как бы он этого не отрицал. О-90 предоставляет ему свободу, самоустранившись из любовного треугольника. Она просит его об одном, чтобы он стал отцом ее ребенка. Желание самое естественное и сложное. Это показывает истинность ее чувств к герою.

Если определяющей фигурой для О-90 становится круг, то для героини I-330 – прямая или ее часть – отрезок. [Кольцова, 2005, с. 25]. Математические единицы вообще характерны для описания внешности этой героини: «*В глазах или в бровях — какой-то странный раздражающий икс, и я никак не могу его поймать, дать ему цифровое выражение*» [Замятин, 2005, с. 45], «*Я знаю этот упругий стан, гибкий, как хлыст, хлещущий голос — и где-нибудь там вздернутый к вискам острый треугольник бровей*» [там же, с.198]. Если за героиней О-90 закреплен голубой, синий цвет, то за I-330 белый: «*Белые — необычайно белые и острые зубы...*» [Замятин, 2005, с. 45]. И само поведение героини острое, резкое.

Раздражающий Д-503 X, постоянно находящийся на лице героини, говорит о том, что перед нами не раскрыта ее сущность. I-330 – неизвестная, которую никак не найти, не решить уравнение.

Не только X присутствует во внешности I-330, по наблюдениям Д-503, но и острые зубы и ресницы: «*белые — необычайно белые и острые зубы*» [Замятин, 2005, с. 45], «*я заметил, что у ней острые и очень белые зубы и что это красиво*» [там же, с. 218], «*острые, неподвижные копыта ресниц*» [там же, с. 209].

Так же как и у О, начертание имени повторяет форму тела героини – I, в отличие от О, I – резкая и прямая: «*Направо от меня – она, тонкая, резкая, упрямо-гибкая, как хлыст, I-330 (вижу теперь ее номер); налево — О, совсем другая, вся из окружностей, с детской складочкой на руке...*» [Кольцова, 2005, с 25].

О-90 — женщина-мать. Она та самая жена, которая всегда будет предана своему мужу, своему ребенку. И в описании ее формы тела, в маленькой детали — складочке на руке — мы замечаем перед собой чистую простоту и любовь.

I-330 — женщина-революционер. Она — лидер и должна быть резка; она своенравна, не подчинена системе Единого Государства. В ее образе содержится та искра, тот напор, с каким ведется революционная деятельность организации «Мефи».

Как мы видим, внешне героини – это два противоположных типа человека. Но и внутренне они разные, эмоциональные противоположности. О-90 по-детски, робка, нежна: «**Да, чудесно. Весна!**», говорит О-90. В мире непреложных линий зданий и людей-номеров в одинаковых юнифах героиня говорит о весне – времени года, традиционно ассоциирующемся с обновлением, цветением, романтическим настроением. И О-90 мыслит не математически, она чувствует настроение этого времени года, хотя что-либо чувствовать в этом антиутопичном обществе считается преступлением, она восхищается весной. Восхищение – активная эмоция, которой характерно выражение на синтаксическом уровне с помощью восклицательного или вопросительно-восклицательного предложения. В данном случае предложение восклицательное: «Весна!».

«Я бы **так** хотела сегодня прийти к вам, опустить шторы. **Именно** сегодня сейчас... - **робко подняла на меня ... глаза**» [Замятин, 2005, с. 48]. Так проявляется эмоция смущения. Средствами идентификации эмоции в контексте выступает наречие «робко», а также структура предложения, приближенная к разговорной речи.

О-90 **плачет**, когда хочет заговорить о ребенке. Эта проблема ее гложет, постоянно расстраивает, отказы Д-503 заставляют испытывать душевную боль: «из синих глаз **слеза, другая, третья...**» [Замятин, 2005, с. 56]. Плач – имплицитное проявление душевной боли, в данном контексте.

О-90 не только смущается, или скорбит. Она умеет искренне

радоваться, особенно в момент осознания того, что она скоро станет матерью. **«Я так счастлива – так счастлива.... Я полна – понимаете: вровень с краями. И вот – хожу и ничего не слышу, что кругом, а все слушаю внутри, в себе...»** [Замятин, 2005, с. 169]. Эмоция счастья. Героиня сама говорит о своем состоянии, перед нами пример эксплицитного проявления эмоции в тексте. Краткое прилагательное (**полна**) здесь выступает одновременно и как показатель эмоции (свернутый эквивалент клишированного выражения **переполняют эмоции**), и как средство выражения степени ее проявления (семантика прилагательного). Данный контекст интересен также тем, что в нем используются средства, определяющие степень охвата субъекта эмоцией (**вровень с краями**; лексический повтор градационного наречия **так**).

О-90 – часть большой машины Единого Государства, где идея продолжения рода воспринимается, как необходимость продолжения цивилизации, не предполагающая жизнь ребенка в семье, с матерью. Ребенок – это будущий гражданин великого механизма. Но О-90 не подчинена этим законам, она ощущает своего ребенка, предвкушает радость материнства. И вся она в данный момент радость, счастье, покой и любовь.

Базовая эмоция любовь проявляется героиней в тексте эксплицитно. О-90 сама говорит о своих чувствах: **«Я не могу без вас – потому что я вас люблю»** [Замятин, 2005, с. 121]. Эта эмоция подкрепляется на протяжении всего текста дериватами или контекстом – смущением в разговоре, описанным выше, болью от невозможности зачатия ребенка именно от Д-503.

Гнев эта героиня испытывает однажды, злясь и ревнуя своего возлюбленного. **«Не смейте больше никогда мне об этом! И умру – да, пусть! И вам никакого дела – не все ли вам равно?»** [Замятин, 2005, с. 171]. В данном контексте выражение эмоции связано с появлением нетипичной для данной героини интонации, потому что, все предложения имеют оттенок активной эмоции за счет императивной интонации. Гнев мы определяем с помощью глагола в повелительном наклонении «не смейте», несущем

оттенок угрозы, злости, приказа.

Приведенные ранее примеры восклицательных предложений имеют совсем иную эмотивную модальность и интонационную окрашенность. Как уже отмечалось выше, синтаксическим фоном для репрезентации эмотивных состояний персонажей являются модели, приближенные к разговорным оборотам. Таким образом, мы делаем вывод о том, что героиня О-90 – испытывает разные эмоции, не скрывает их, в ней нет внутренней механизации, она – не бездушный винтик Единого Государства.

Героиня I-330 – упряма, резка, тон ее речи уверенный, ее ничего не может смутить: «**И смеялась** очень странно и долго. Потом **пристально** посмотрела на меня... я с вами совершенно спокойна... вы и не подумаете пойти в Бюро и сообщить, что вот я – пью ликер, я – курю ... Какой **наглый и издевающийся тон**» [Замятин, 2005, с. 83]. В этих словах звучит издевка, эмоция – презрения. Эту эмоцию мы идентифицируем, главным образом, с помощью слова «*издевающийся*» тон. Интересно, что эмоцию героини мы определяем с помощью ощущений Д-503 от тона ее голоса.

Ей вообще не свойственна нежность, даже в любовных отношениях, поскольку мы до конца так и не понимаем, была ли ее любовь искренна по отношению к главному герою. На протяжении романа в нескольких сценах I – кладет руки на плечи Д, показывая тем самым овладение им, или же берет его лицо в свои руки: «**И положила мне руки на плечи**» [Замятин, 2005, с. 142], «**Она взяла мое лицо - всего меня – в свои ладони**» [там же, с. 140]. Подобные жесты можно расценить как искреннюю любовь по отношению к главному герою, или же это является гениальной невербальной манипуляцией, которая, как и языковая, имеет своей целью «изменение совокупности убеждений и особенностей мышления» человека [Бизюков, 2012, с. 222]. В данных фрагментах мы видим, что эмоция любовь выражается в тексте на лексическом уровне с помощью слов, обозначающих способы невербального выражения эмоций – положить руки на плечи, взять лицо в ладони. Обычно такие физические проявления воспринимаются как

нежность, но герой ощущает в них попытку порабощения, подавления. Властный характер героини определяет ее внешний облик и проявление эмоций как на эксплицитном, так и на имплицитном уровне.

Но тем не менее, в одном из эпизодов встреч I-330 и Д-503 героиня, совершенно сняв с себя маску диктатора, говорит о своем отношении к Д-503 так: «И в тебе, наверное, есть несколько **капель солнечной, лесной крови**. Может быть, потому **я тебя и** – →» [Замятин, 2005, с. 164]. На этом ее речь прерывается, но мы понимаем, что она умолчала слово «полюбила»/«люблю». В этом отрывке, во-первых отображается любовь героини к ее революционному делу, к естественным людям за Стеной (...несколько капель **солнечной, лесной** крови...), во-вторых, мы можем предположить ее любовь к главному герою. В данном контексте мы видим нарушение речевого стереотипа (женщины эмоциональнее мужчин и часто более откровенны в выражении своих чувств), поскольку героиня избегает вербального выражения эмоции. Учитывая ее характер и род деятельности, мы можем сказать, что любовь воспринимается самой героиней как нечто, препятствующее достижению поставленной цели.

Описанный эпизод не единственный, в котором по-настоящему мы можем определить искренность положительных эмоций I-330, но тем не менее, их мало. Один из них – пребывание ее и Д-503 за границей Единого государства в окружении «естественных» людей – дикарей. «**Она улыбается легко, весело**» [Замятин, 2005, с. 161]. Таких характеристик улыбки (легко и весело) по отношению к I-330 в тексте больше не встречается. Мы понимаем, что героиня счастлива. Ее эмоция в этот момент времени – радость, наслаждение. Мы делаем этот вывод на основе коммуникативного опыта и общепринятых норм – улыбаться легко и весело человек может от радости.

I-330 импульсивна, эмоциональна. Она громко, иногда яростно смеется, проявляя разные эмоции, которые не поддаются четкой идентификации даже при рассмотрении контекста. Из нее вырывается ее энергия, ее собственная революция: «Она засмеялась, громко - слишком громко. Быстро, в секунду...»

[Замятин, 2005, с. 180]. Невербальное проявление эмоций – смех.

Исследование показало, что эмотивные поля героинь I-330 и O-90 отличаются друг от друга.

В эмотивном поле O-90 преобладают такие эмоции как любовь, радость, их дериваты и сопутствующие эмоции, испытываемые под влиянием основных – ревность, смущение. Такое комбинирование эмоций в контексте позволяет показать многогранность их проявлений и подчеркнуть субъективный характер.

Для героини I-330 не свойственны какие-то определенные эмоции, на протяжении всего повествования мы наблюдаем ее в разных эмоциональных состояниях. В большинстве случаев ее эмоции проявляются имплицитно, не всегда их можно идентифицировать. Главной характеристикой является их наличие, поскольку в концепции Единого государства иметь эмоции – это уже преступление.

Характеризуя основные женские образы романа, невозможно не заострить внимание на персонаже мужского пола, а именно Благодетеле, поскольку его фигура является иллюстрацией одной из основных идей романа-антиутопии, а именно обезличивании человека, лишения его чувств и эмоций, превращая в часть машины Единого государства. В его образе мы также можем видеть проявление гендерного эмоционального стереотипа.

Благодетель – верховный правитель, изображен абсолютно гротескной фигурой. Гротеск Замятина вырастает из метонимической детали. В чудовищном и монументальном образе Благодетеля есть одна выразительная деталь – «громадные руки». Они «тяжелые», «каменные», их «медленный, чугунный жест» устрашает: *«слишком близко, на первом плане, поставленные руки – выходят огромными, приковывают взор, заслоняют собой все», «они (руки) – каменные, и колени – еле выдерживают их вес»* [Замятин, 2005, с. 75], *«вижу только его огромные, чугунные руки - на коленях. Эти руки давили Его самого, подгибали колени. Он медленно шевелил пальцами»* [там же, с. 203].

Монументальная фигура Благодетеля заставляет испытывать страх и покорность: «*Неподвижная, как из металла, фигура*» [Замятин, 2005, с. 75]. Его черты лица правильны, он олицетворяет совершенство формы: «*Лицо ограничено строгими, величественными, квадратными очертаниями*» [там же, с. 75]. Безэмоциональность данного персонажа имплицитно раскрывается через семантику прилагательных, описывающих его внешность (*каменные, чугунные руки; квадратными очертаниями*). Относительные прилагательные дают метафорическую характеристику внешности и создают образ холода, неодушевленности. Квадратные очертания персонажа, на наш взгляд, можно рассматривать как оппозицию геометричности женских образов, в которых в основу положены незамкнутые геометрические фигуры, тогда как Благодетель – это фигура также с острыми углами, но замкнутая.

«Белый мудрый *наук, связавший нас*» [Замятин, 2005, с. 147], – так говорит Д-503. И это вполне подходящее сравнение для Благодетеля. Он управляет машиной Единого Государства. Ему удается предотвратить стихийную революцию. Он ловит сопротивляющихся «мух» – революционеров и «съедает» их. [Мальцева, 2008, с. 328]

Благодетель – человек-титан, камень, рациональный, безэмоциональный, бездушный. Такая характеристика его личности кажется самой правильной.

Но и этот герой испытывает эмоции. В одном из эпизодов своего появления на страницах романа, благодетель ведет беседу с главным героем Д-503. Это допрос: « <...> **вы тоже? Вы – Строитель «Интеграла»? Вы – кому дано было стать величайшим конкистадором. Вы – чье имя должно было начать новую, блистательную главу истории Единого Государства... Вы?»** [Замятин, 2005, с. 203] В этих строках мы определяем эмоцию презрения. «Вы могли это сделать? Именно вы?»: так можно продолжить эти предложения. Благодетель презирает Д-503 за то, что он, будучи одним из достойнейших представителей Единого Государства, смог предать его.

В приведенном контексте используются приемы выразительности,

характерные для ораторского красноречия (лексический повтор местоимения, параллелизм синтаксических конструкций, риторические вопросы). Это создает диссонанс с ситуацией, поскольку на допросе двое, но форма речи такова, как будто Благодетель выступает перед многочисленной аудиторией. Такой прием довольно часто используется для того, чтобы скрыть истинные чувства. Эти эмоции можно считать как взывание к совести, манипуляция, но далее следует описание внешности – последнее на страницах романа: «Передо мной сидел лысый, сократовски лысый человек, и на лысине – **мелкие капельки пота**». Это описание никак не соотносится с предыдущими характеристиками внешности Благодетеля. Д-503 видит теперь перед собой обычного человека, капли пота на голове которого, могут быть свидетельством многих факторов – старость, волнение, страх, усталость, физическое несовершенство – признаки человечности.

Несмотря на ограниченное количество примеров проявления эмоций в тексте произведения, что обусловлено его жанром и концепцией автора, мы можем сделать вывод, что машина Единого Государства, описанная в романе Е. И. Замятина, призванная уравнивать мужчин и женщин, взрослых и детей – далеко не совершенный механизм. Рациональный мир становится уязвимым при столкновении с обычным человеком, имеющим душу, фантазию, испытывающим чувства и эмоции. Так как персонажей романа мы видим глазами Д-503, то и эмоции их оцениваются с точки зрения восприятия персонажей главным героем.

В ходе исследования мы пришли к выводу, что самым эмоциональным персонажем и одновременно более подробно по сравнению с другими описанным является I-330. Это женский персонаж, что вполне может стать подтверждением гипотезы о том, что женщины явнее, чем мужчины проявляют свои эмоции даже в обществе романа-антиутопии, где им нет места.

Эмоции персонажей показаны в тексте эксплицитно, реже имплицитно, но с помощью описания признаков эмоций, слов, описывающих их

невербальное проявление. Анализ контекстов позволяет заключить, что у рассмотренных персонажей мы констатируем наличие эмоций, но не всегда можем их идентифицировать с помощью контекста. Эмотивные портреты рассмотренных персонажей романа Е.И. Замятина «Мы» соответствуют их внешнему облику, исключением составляет персонаж Благодетель – более сложная фигура с точки зрения психологизма.

2.2. Эмотивное поле главного героя.

Главный герой романа - Д-503. «Это человек, с рождения находящийся под влиянием тотального контроля, не умеющий анализировать ситуацию, человек, в котором смещены и перевернуты понятия о Добре и Зле» [Мальцева, 2008, с. 328].

Д-503 выступает сначала как поэт рациональности, воспевающий мир, из которого устранено «все низшее», изгнаны все стихии, в котором можно все исчислить и в котором царствует стабильность». Образ героини I вводит в мир героя иррациональные составляющие. «Д-503 открывает иррациональное и в себе самом. Его лохматые, обезьяньи руки становятся знаком его кровного родства с тем миром, что вытеснен за Стену, миром хаоса и страсти, побуждающим его к безумным, необъяснимым поступкам, вызывающим у самого Д чувство ужаса» [Скороспелова, 2002].

В данной главе мы исследуем эмотивное поле персонажа Д-503, понимаемое нами как совокупность всех эмотивных состояний, его описывающих. На протяжении всего романа герой испытывает как негативные, так и положительные эмоции. Например, когда герой размышляет о Едином Государстве, записывая свои мысли в дневник, он испытывает положительные эмоции – восхищение, радость, надежду. Эти эмоции обусловлены:

А) Внешними факторами - событиями, происходящими в данный

момент и вызывающими определенные эмоции героя.

Например, во время прогулки, Д-503 замечает **«непреложные прямые улицы, божественные параллелепипеды прозрачных жилищ, квадратную гармонию серо-голубых шеренг»** [Замятин, 2005, с. 45]. Героя восхищает миром вокруг себя. В дневнике, описывая одну из лекций, он пишет: **«С каким наслаждением я слушал затем нашу теперешнюю музыку»** [там же, с. 55]. Герой сам идентифицирует эмоцию наслаждения. Д-503 пишет, что видит себя **«частью огромного, мощного, единого. И такая точная красота: ни одного лишнего жеста, изгиба, поворота»** [там же, с.65-66], несомненно, герой восхищается миром вокруг себя, об этом нам говорят определения, которые Д-503 употребляет по отношению к окружающей его действительности: «точная красота», «огромное», «мощное» – случай перехода прилагательного в существительное.

Б) Внутренними факторами – попытками рассказать потомкам о современном Д-503 обществе.

В дневнике герой пишет, что считает настоящую форму жизни Единого Государства **«совершенной»**, или так: **«Но зато – очищенное от тысячелетней грязи – каким сияющим стало лицо земли»** [Замятин, 2005, с. 57]. Д-503 вновь восхищается своим государством, характеризуя форму жизни современной ему цивилизации как совершенную.

Помимо положительных эмоций в контексте восприятия мира, Д-503 испытывает отрицательную эмоцию – презрение по отношению к цивилизации прошлого: **«А это – разве не абсурд, что государство могло оставить без всякого контроля сексуальную жизнь <...> «как звери, вслепую, рожали детей»** [Замятин, 2005, с. 51-52]. Описывая музыку прошлого времени, герой говорит: **«я слышал только нелепую, суетливую трескотню струн»** [там же, с. 55], слова «нелепая», «суетливая трескотня», сравнение «как звери» имеют отрицательное значение, что помогает нам определить эмоцию презрения, неприятия цивилизации прошлого. Приведенные контексты показательны в плане взаимодействия категорий

эмотивности и оценочности, т.к. вектор эмоции определяется вектором оценки.

Но мышление Д-503 не ограничено лишь размышлениями о старом и новом мире. Взаимодействуя с другими персонажами, он испытывает по отношению к ним различные эмоции.

Например, в эмотивное поле героя входит эмоция страха, и дериваты: боязнь, смятение. Эти эмоции функционируют, когда герой взаимодействует с I-330: «Эта I меня почти пугает» [Замятин, 2005, с. 60], «Я почему-то смутился...» [там же, с. 45], «I-330 перехватила, по-видимому, мой растерянный взгляд» [там же, с. 47], «...я определенно почувствовал страх, почувствовал себя пойманным, посаженным в эту дикую клетку, почувствовал себя захваченным в дикий вихрь древней жизни» [там же, с.47]. В данных отрывках текста, Д-503 сам определяет свои эмоции, прямо их называя.

Эмоцию гнева и ее дериваты – злость, ревность, раздражение – герой часто испытывает в романе. Это связано в начале романа с его восприятием героини I-330: «Эта раздражающая, отталкивающая женщина, странная игра...» [Замятин, 2005, с. 63], «Эта I меня раздражает, отталкивает...» [там же, с. 60]. Мы наблюдаем прямое название эмоций героем. В диалоге с I: «Я – с необычайно для меня резкостью – сказал...» - «сказать с резкостью» - на лексическом уровне языка признак эмоции злости в данном случае, «Я уже почти кричал», «Терпеть не могу, когда смотрят на мои руки» [там же, с. 47], «И я закричал еще громче» [там же, с. 69]. Крик в данном контексте признак эмоции гнева. «Терпеть не могу» – устойчивое словосочетание, преимущественно, разговорного стиля – мы вполне можем идентифицировать эмоцию раздражения.

Но раздражение Д-503 испытывает не только по отношению к этой героине, но и к О-90, которая вызывает у него эмоции умиления, нежности: «Милая О», «Она так очаровательно-розово слушала...» [Замятин, 2005, с. 56], Д-503 считает О-90 милой, о чем пишет в своем дневнике. Слово

«милая» – служит идентификатором нежности, испытываемой к героине, впрочем, как и неологизм «очаровательно-розово». **«С легким замиранием сердца я огляделся кругом. Думаю, я искал, ... милые губы О»** [Замятин, 2005, с. 53]. Сердце замирает от любви – устойчивый оборот речи, «легкое замирание сердца – выражение, описывающее эмоцию – любовь.

Далее по тексту: **«Меня взорвало... Вы, женские нумера, кажется, неизлечимо изъедены предрассудками. Вы совершенно неспособны мыслить абстрактно. Извините меня – но это просто тупость»** [Замятин, 2005, с. 68]. Мы видим, что О-90 его раздражает Д-503, с помощью таких описаний его собственных эмоций: «меня взорвало» – «взрывать» человека может то, что ему категорически не нравится, раздражает его сущность, «неизлечимо изъедены» – словосочетание является синонимом к слову «больны», Д-503 говорит об этом явлении, обвиняя О-90, как представительницу женского пола, в недуге, т.е. в способности испытывать эмоции. Выражение «это просто тупость» несет на себе семантику умственной неспособности, того явления, с которым Д-503 не желает мириться, это против его природы, следовательно, раздражает всю его сущность. Т.о. данный контекст также показывает взаимодействие категорий эмотивности и оценочности.

Эмоцию раздражения Д-503 испытывает в разговорах со своим другом – поэтом R-13: **«шутки я не люблю и не понимаю, а у R-13 есть дурная привычка – шутить»**, **«Мокрые лакированные губы шлепнули»** [Замятин, 2005, с. 71]. «Не люблю, не понимаю» – неприятие явления шутки. Шутить – дурная привычка, по мнению Д-503. Слово «дурная» описывает нам явление шутки, как нечто неприятное. Выражение «губы шлепнули» вызывает раздражение, поскольку несет семантику отталкивающего явления.

Ревность I-330 к R-13 из уст Д-503 звучит так: **«Не смей! Не смей, говорю»** [Замятин, 2005, с. 151.].

Эмоция ревность в первую очередь проявляется контекстуально, мы знаем, по отношению к какой ситуации Д-503 реагирует так эмоционально –

он видит, как R-13 уносит на руках I-330. Ревность – активная эмоция, это видно синтаксически – восклицательные знаки в конце предложений. Предложения безличные, речь героя максимально близка к разговорной.

«... и я настоящий – услышал **дикий, отвратительный крик:**

– **Что тоже? Нет: что такое «тоже»? Нет, – я требую»** [Замятин, 2005, с. 89].

В данном примере, эмоция ревность идентифицируется контекстуально: Д-503 узнает о связи R-13 с I-330. Но вопросительные знаки в конце предложений и отрывочная речь, благодаря которой речь виртуальной личности становится максимально похожей на речь реального человека в состоянии сильного эмоционального возбуждения, являются показателями эмотивности этих реплик персонажа.

В эмотивное поле героя входит любовь, когда он сталкивается сначала со своими чувствами к героине O-90, а затем героине I-330. Эта эмоция сложна и многогранна в романе. С одной стороны, Д-503 испытывает нежность, умиление по отношению к героине O-90, но не говорит ей о том, что любит: «При расставании я два... нет, буду точен: **три раза поцеловал чудесные, синие, не испорченные ни одним облачком, глаза»** [Замятин, 2005, с. 48], эти эмоции мы можем принять за проявление любви, но лишь до появления в повествовании чувств Д-503 к героине I-330. Герой мечется среди своих чувств по отношению к ней и, в конечном итоге, признается в любви – не вербально: «Помню: я был на полу, **обнимал ее ноги. Целовал колени...**», «... и я, кажется **сделаю так, как она хочет**», [Замятин, 2005, с. 123] «Я на полу, **обнял ее ноги, моя голова у нее на коленях, мы молчим**», «**А я поднял на руки I, крепко прижал ее к себе**» [там же, с. 151].

Целовать глаза, обнимать ноги, целовать колени, прижимать к себе – невербальное проявление эмоций на лексическом уровне, по С.В. Ионовой.

Эмотивное поле главного героя Д-503 дополняется эмоциями, когда он сталкивается с чем-то новым, неизведанным и по мере вхождения других персонажей в линию повествования. Д-503 испытывает негативные и позитивные эмоции, оставаясь до конца романа противоречивым

персонажем. На эмоции героя не влияет пейзаж или действия посторонних ему людей, все возникает из взаимодействия Д-503 с другими персонажами и из его собственных мыслей. Его эмотивное поле сплетается с полями других героев романа, совпадая с ними или нет. Эта тема является исследованием следующего раздела данной выпускной квалификационной работы.

2.3. Эмотивное взаимодействие героя и персонажей

Во вступительной статье к сборнику произведений Е. И. Замятина «Мы» Н.З. Кольцова пишет, что «на точку зрения персонажа Д-503 и ориентирована поэтика романа в целом. Автору интересны остальные герои, прежде всего, в той мере, с какой они раскрывают характер главного героя, его конфликт с миром и собой, служат мотивировкой его внутреннего развития» [Кольцова, 2005, с. 21].

Роман – это дневник Д-503, мы проживаем с ним каждый его день и узнаем других персонажей так, как нам «позволяет» их узнать сам главный герой.

В предыдущей части данной выпускной квалификационной работы мы исследовали эмотивное поле главного героя, в этой части рассмотрим эмотивное взаимодействие героя и других персонажей.

Так как мы уже рассмотрели эмотивные поля героинь О-90 и I-330, перейдем к рассмотрению их эмотивного взаимодействия с Д-503.

Д-503 – О-90, Д-503 – I-330

Эмотивные поля этих персонажей взаимодействуют в аспекте эмоции любовь, примеры языкового проявления которой описаны в предыдущих частях данной работы. В остальных случаях взаимодействия О-90 и Д-503 и Д-503 и I-330 их эмоции не совпадают или не имеют языкового выражения в тексте, что осложняет задачу их идентификации и сопоставления эмоциональных состояний.

Д-503 – R-13

Взаимоотношения этих героев изначально основывается на противопоставлении, которое касается их профессиональной деятельности: Д-503 – математик, R-13 – поэт. Но, несмотря на это, герои – приятели. Однако их точки зрения на положение вещей в природе разнятся. И мы видим это в диалогах, где и возникает взаимодействие эмоциональных полей героев – оба испытывают раздражение в разговоре, презрение друг к другу, например, эмоции R-13 показаны так: «Знание ваше это самое – **трусость!** <...> Просто **вы хотите стенкой обгородить бесконечное, а за стенку-то и боитесь заглянуть. Да!**» [Замятин, 2005, с. 71] – эмоция презрения к Д-503. Называть человека трусом – презирать его. Этот смысл идентифицируется нами на основе общепринятых межкультурных понятий.

По мере развития сюжета эмоциональная линия взаимоотношений героев не меняется, наоборот, усиливается негативными эмоциями – ревностью (ревнуют I-330 друг к другу) и злостью, которую испытывают персонажи во время эпизода голосования против Благодетеля: «... **не хочу , не позволю! Долой ее с рук – сейчас же!**. Но он (R-13) только **сердито шлепнул губами, мотнул головой и побежал дальше**» [Замятин, 2005, с. 151]. Восклицательные знаки в конце предложения, разговорный стиль речи – эти факторы говорят, что перед нами активная эмоция. Глагол в повелительном наклонении «долой» обращает наше внимание на несогласие Д-503 с чем-то (R-13 несет на руках I-330), сердитый шлепок губами, каким видит его главный герой, является показателем негативной эмоции.

Это была последняя встреча Д-503 и R-13, дальнейшего развития их взаимоотношений мы не наблюдаем.

Д-503 – S-4711

Единственный диалог, единственное прямое взаимодействие персонажей – это столкновение их эмоциональных полей. В поле Д-503 входит положительная эмоция – надежды, смешивающаяся с колоссальным

волнением: «**Скорее** – к вам в кабинет... **Я должен все – сейчас же!** Это хорошо, что именно вам...» [Замятин, 2005, с. 213], «И тогда я – **захлебываясь, путаясь** – все, что было, все написано здесь», «Все это – **несуразными комьями, клочьями, клочьями – я захлебывался...**» [там же, с. 214]. Отрывочная речь Д-503, восклицательный знак в конце предложения, контекст (Д-503 желает рассказать S-4711 о заговоре против государства) являются показателями волнения.

Эмоция S-4711 – издевка, насмешка: «У него **усмешка – молча – все кривее...**» [Замятин, 2005, с. 214]. Герой сам определяет эмоцию с помощью описания реакции S-4711 на его слова – «усмешка». Д-503 в ответ испытывает страх: «И вдруг – мне молнией, до головы, быстыдно ясно: он – **он тоже их...**» [Замятин, 2005, с. 214]. Мы идентифицируем эмоцию страха из более широкого контекста. Если S-4711 принадлежит к революционной организации «Мефи», то Д-503 окружен заговорщиками, не имеет понятия о своих последующих действиях, сомневается во всех и страшится всего.

Как мы можем видеть, эмотивное поле S-4711 характеризуется доминированием одной эмоции – насмешкой над глупостью и наивностью Д-503, а главный герой во время диалога оказывается в различных эмоциональных состояниях. Причиной тому может служить роль S-4711 в деятельности революционеров – он информатор, шпион, двойной агент, у него есть определенные цели, требующие высокой концентрации мышления, не предполагающие отхождения от заданной программы.

Д-503 – Ю

Ю – почтенная пожилая женщина, консьержка в доме Д-503. В ней сильно женское начало, с одной стороны, она воспринимает Д-503 как собственного ребенка, стараясь уберечь его от пагубного влияния I-330, от «Мефи», от него самого, проявляя жестокую, карающую любовь.

«**Вы себя губите**, и вам этого никто не скажет – никто» [Замятин, 2005, с. 139], «Нет, нет, дорогой мой: **я знаю вас лучше, чем вы сами...**»

[там же, с. 120]. «Вы себя губите» – проявление заботы, замечание о том, что человек не понимает, как живет, но она –Ю – знает, как нужно и готова его спасти. «Я знаю вас лучше, чем вы сами» – фраза, в культуре закреплённая как попытка психологически расположить человека к себе, дать понять, что он живет не так, как нужно.

С другой стороны ее женская природа толкает эту женщину на абсурдные поступки, например, не поддаются оценке ее действия, предполагающие близость между героями: «Ради... ради... Я согласна – я... сейчас, – трясущимися руками она сорвала с себя юнифу» [Замятин, 2005, с. 200]. Героиня сама смущена (трясущиеся руки – показатель волнения, учитывая ситуацию – смущения), но настойчива (продолжает раздеваться). Из контекста нам становятся понятны ее действия – она считает, что таким образом Д-503 не станет революционером, не пойдет за I-330. В этом видится ее некая материнская сущность – всеми силами добиться того, что ребенок не пострадал. Эти действия вызывают отчаянный смех Д-503, с одной стороны, и ставят его в тупик, с другой: «Я сидел за столом и смеялся – отчаянным, последним смехом – и не видел никакого выхода из своего нелепого положения» [Замятин, 2005, с. 200]. «Я не видел никакого выхода» - устойчивое выражение, определяемое как проявление безысходности.

Мы рассмотрели взаимодействие героя Д-503 с несколькими персонажами романа. Мир романа-антиутопии схематичен, математичен, начиная от прямых непреложных линий зданий и оканчивая внешним обликом героев, какими их видит главный герой – математик. Но даже эта особенность не мешает прийти к выводу о том, что человеческие эмоции индивидуальны, проявляются по-разному у каждого человека, и даже машина антиутопического государства не способна подавить это природное начало человека, хотя стремится сделать в новом обществе нового человека, освобожденного от эмоций. И эта миссия на страницах романа остается незавершенной, но прогрессирующей.

Глава 3. Элективный курс как средство формирования навыков ФАТ

3.1. Характеристика и значение элективного курса как метода работы в школе.

В соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2001 г. №1756-р об одобрении Концепции модернизации российского образования на период до 2010 г. в старшей школе предусматривается гибкая система профилей обучения.

Профильное обучение ориентировано на индивидуализацию обучения и социализацию обучающихся, на кооперацию старшей ступени школы с учреждениями среднего и высшего профессионального образования.

Дифференциация содержания обучения в старших классах осуществляется на основе различных сочетаний курсов трех типов: базовых, профильных, элективных. Каждый из курсов этих трех типов вносит свой вклад в решение задач профильного обучения.

обязательные курсы по выбору учащихся, входящие в состав профиля обучения на старшей ступени школы. В первую очередь - это занятия по выбору, позволяющие школьникам развить интерес к тому или иному предмету и определить свои профессиональные пристрастия.

Элективные курсы (курсы по выбору) играют важную роль в системе профильного обучения на старшей ступени школы. Это элемент учебного плана, обязательные курсы по выбору учащихся, входящие в состав профиля обучения на старшей ступени школы. Элективные курсы дополняют содержание профиля, занятия позволяют удовлетворить разнообразные познавательные интересы школьников, развить их интерес к тому или иному предмету и определить свои профессиональные пристрастия. Элективные курсы могут касаться любой тематики, как лежащей в пределах общеобразовательной программы, так и вне ее.

Разнообразие видов элективных курсов открывает широкие возможности для творчества учителя и выбора учащихся. Создатели профильного курса ставят следующие цели: во-первых, углубление или расширение рамок одного или нескольких профильных предметов; во-вторых, повышение уровня изучения базового предмета в профильном классе, предполагающее подготовку к экзамену, в том числе в формате ЕГЭ; в-третьих, приобретение практико-ориентированных знаний и умений как в границах учебного предмета, так и практических навыков, основанных на внепредметных знаниях.

Элективные курсы это новейший механизм актуализации и индивидуализации процесса обучения. С хорошо разработанной системой элективных курсов каждый ученик может получить образование с определенным желаемым уклоном в ту или иную область знаний.

При изучении элективных курсов появляется возможность реализовать современную тенденцию, заключающуюся в том, что усвоение предметного содержания из цели образования превращается в средство такого эмоционального, социального и интеллектуального развития ребенка, которое обеспечивает переход от обучения к самообразованию.

Элективный курс по анализу художественного текста имеет свои особенности, а именно:

1. Умение работать с текстами разных видов является метапредметным знанием, поэтому приобретение подобной компетенции начинает закрепляться на ступени начального образования;

2. Работа с художественным текстом для школьников представляет собой определенную сложность, так как в пространстве текста происходит взаимопересечение и проникновение смыслов, в результате чего формируется общий смысл произведения как совокупность текстовых и подтекстовых значений;

3. Средства языковой выразительности, входящие в структуру художественного текста представляют собой дополнительный аспект его

анализа, которому нужно обучать школьников.

4. Одной из форм заданий итоговой аттестации выпускников по таким предметам, как русский язык и литература, является анализ текста. Учащимся необходимо продемонстрировать сформированность навыка, поэтому в старших классах необходимо обратить особое внимание на элективные курсы по работе с текстом.

3.2. Рабочая программа элективного курса «Анализ художественного текста в аспекте семантической категории эмотивности»

Пояснительная записка

Дисциплина «Филологический анализ художественного текста» (далее ФАХТ) относится к циклу гуманитарных и реализуется в вузах по профилю подготовки «Русский язык и литература». Дисциплина помогает овладеть методологией филологического и лингвистического анализа текста, способствует повышению общепилологической подготовки студентов и усилению ее профессиональной направленности. Объединение лингвистических и литературоведческих знаний позволяет проводить анализ художественного текста с необходимой для понимания его идейного содержания полнотой.

ФАХТ как самостоятельная дисциплина не функционирует в школьном курсе дисциплин предметной области «Филология», но базовые знания ФАХТ ученики средней школы получают в ходе освоения таких учебных предметов, как «Русский язык» и «Литература» и элективных курсов.

Согласно Федеральному государственному стандарту (далее ФГОС) среднего (полного) общего образования, «предметные результаты освоения основной образовательной программы должны обеспечивать возможность

дальнейшего успешного профессионального обучения или профессиональной деятельности» [см. ФГОС среднего (полного) общего образования от 17.05.2012].

Изучение предметной области «Филология» должно обеспечить сформированность навыков различных видов анализа литературных произведений, то есть сама формулировка предполагает межпредметные связи дисциплин школьных курсов «Русского языка» и «Литературы». Полноценный анализ текста невозможен без достаточного уровня лингвистической компетенции. Показателями данного уровня являются предметные результаты освоения базового курса русского языка, такие как:

- сформированность понятий о нормах русского <...> литературного языка и применение знаний о них в речевой практике;
- владение умением анализировать текст с точки зрения наличия в нём явной и скрытой, основной и второстепенной информации;
- сформированность представлений об изобразительно-выразительных возможностях русского языка;
- сформированность представлений о системе стилей языка художественной литературы.

С опорой на знания по русскому языку на уроках литературы формируются навыки анализа художественного текста. При этом важными являются следующие предметные результаты:

- сформированность умений учитывать исторический, историко-культурный контекст и контекст творчества писателя в процессе анализа художественного произведения;
- владение навыками анализа художественных произведений с учётом их жанрово-родовой специфики; осознание художественной картины жизни, созданной в литературном произведении, в единстве эмоционального личностного восприятия и интеллектуального понимания.

Взаимодействие лингвистических и литературоведческих компонентов ФАТ нашло отражение в формулировке предметных результатов во ФГОС:

- способность выявлять в художественных текстах образы, темы и проблемы и выражать своё отношение к ним в развёрнутых аргументированных устных и письменных высказываниях.

При углубленном изучении дисциплин в профильных классах указанные предметные результаты дополняются следующими:

- владение умением анализировать единицы различных языковых уровней, а также языковые явления и факты, допускающие неоднозначную интерпретацию;

- сформированность умений лингвистического анализа текстов разной функционально-стилевой и жанровой принадлежности;

- понимание и осмысленное использование понятийного аппарата современного литературоведения в процессе чтения и интерпретации художественных произведений;

- владение навыками комплексного филологического анализа художественного текста.

Данный элективный курс направлен на формирование вышеперечисленных навыков и умений, предназначен для учеников 11 классов, обучающихся по профильным программам гуманитарных дисциплин «Русский язык» и/или «Литература». Это обусловлено тем, что:

Целью элективного курса является формирование у старшеклассников лингвистических компетенций в области анализа художественного текста, формирование коммуникативных и культурологических компетенций и навыков.

Поставленная цель требует решения следующих задач:

- углубить и расширить знания старшеклассников в области филологического анализа текста, полученных ранее на уроках русского языка и литературы;

- сформировать навык публичного выступления, аргументированного представления собственной точки зрения, навык участия в дискуссии;

- подготовить к успешной сдаче ЕГЭ по русскому языку и литературе и последующему обучению в вузах по профилю подготовки «Русский язык и литература»

Программа курса рассчитана на 34 часа - 1 час в неделю.

Предполагаемыми **формами организации занятий** элективного курса являются: классический урок, урок-лекция, урок-практикум, урок-конференция.

Итоговой **формой контроля** является зачет с оценкой. Форма итоговой работы – урок-конференция, на котором учащиеся должны будут продемонстрировать самостоятельно выполненный анализ художественного произведения выбранного им самостоятельно или из списка, предложенного учителем

Курс «Анализ художественного текста в аспекте семантической категории эмотивности» обеспечивает **развитие личности на разных уровнях:**

- метапредметном - владеть навыками исследовательской деятельности; умение выбирать необходимый литературоведческий инструментарий для анализа художественного текста.
- предметном – владение навыками анализа художественного текста
- личностном - умение самостоятельно формулировать собственное мнение по поставленной проблеме, аргументировано его защищать; умение планировать собственную образовательную деятельность; умение работать в группе.

Тематическое планирование.

Разделы	Темы / Содержание/ Характеристика занятий	Форма занятия	Количество часов		
			теория	практика	
				ауд	внеауд
Раздел 1. Введение	Текст. Типы текста. Стили текста. Художественный текст и его жанры. Филологический анализ художественного текста. Структура ФАТ (Приложение 1)	Лекция	1		
Раздел 2. Филологический анализ поэтического текста.	1. Поэтический текст, его особенности. Выразительные средства. Структура ФАТ. Характеристика основных понятий. ФАТ учителем по предложенной схеме. 2. ФАТ стихотворения Ф. Тютчева «Весенняя гроза». Проверка д/з, разбор ошибок. Разработка собственной схемы филологического анализа поэтического текста. ФАТ поэтического произведения по выбору учащегося (в группах по 2-3 человека)	Лекция	2		
		д/з ФАТ стихотворения Ф. Тютчева «Весенняя гроза»			1
		Классический урок с элементами технологии проекта		2	1

	3. Выступление групп – представление ФАТ поэтических текстов.	Урок- конференция		1	
Раздел 3. Филологический анализ прозаического текста	1.Прозаический текст, его особенности. ФАТ повести А. С. Пушкина «Станционный смотритель» 2.Подготовка к самостоятельному ФАТ прозаического текста. Выбор текста (приложении 2) 3. ФАТ прозаического текста 4. Представление ФАТ прозаического произведения	Лекция Классический урок Урок- практикум Урок- конференция	2	1 1 2	1
Раздел 4. ФАТ с учетом семантической категории эмотивности	1.Теория эмотивности. Долингвистика – эмоции, чувства, эмоциональность. Лингвистика – эмотивность, эмотивное поле, дериват и пр. 2. Подготовка к представлению доклада по заданной теме (темы в приложении даны примерно, учащиеся имеют право на их корректировку). Формирование библиографического списка, структура научного доклада и т.п.	Лекция Классический урок, урок- практикум Подготовка доклада в группах (темы в	4 1	0,5	0,5 2

		приложении 3)			
	3. Представление докладов	Урок-конференция		2	
	4. Работа с текстом романа «Мы» Е. Замятина.				
	4.1. Поиск эмотивов в тексте.	Урок-практикум		2	
	4.2. Характеристика эмотивных полей псронажей Д-503, I-330, О-90 (работа в группах)	Урок-практикум		2	
	5. Самостоятельная подготовка ФАТ произведения с учетом семантической категории эмотивности. Произведение по выбору учащегося.				3
	6. Представление итоговой работы на конференции.	Урок-конференция		2	

Приложение 1.

Структура филологического анализа текста.

1. Определение жанра художественного произведения.
2. Функция заглавия
3. Лингвистический комментарий.
4. Синтаксический уровень: прагматическое членение; экспрессивный синтаксис.
5. Лексико-семантический и морфологический уровни: части речи, ключевые слова, средства выразительности.
6. Фонетический уровень: ассонанс, аллитерация, их функции
7. Замысел автора.

Приложение 2.

Рекомендуемые произведения для самостоятельного филологического анализа текста:

Любое поэтическое произведение не короче 2 строф и не длиннее 6 строф, написанное на русском языке в 19 – начале 20 века.

Прозаические тексты предлагается выбрать из списка предложенных:

1. Фрагменты из «Повестей И. П. Белкина» А. С. Пушкина, кроме повести «Станционный смотритель».
2. Сатирические рассказы А. П. Чехова.
3. Фрагменты не длиннее 3 страниц из следующих произведений:
«Мастер и Маргарита», «Собачье сердце» М. А. Булгакова.

4. Любой текст из КИМ для подготовки к ЕГЭ, разработанных не позднее 2016 года.

Приложение 3.

Список тем для подготовки докладов:

1. Античный театр. Функции масок.
2. Эмоции и чувства.
3. Базовые эмоции
4. Гендерные особенности проявления эмоций.
5. Эмоции и политика.

Приложение 4

Список литературы для учащихся

1. Анциферова О.В., Ян И. Языковые средства выражения симпатии и антипатии (на материале повести И.С. Тургенева «Первая любовь») / О.В. Анциферова // Материалы XII международной научно-практической конференции «Слово. Предложение. Текст. Анализ языковой культуры» - Санкт-Петербург, 2016. – 12 с.
2. Бозаджиев В.Л. Политическая психология. Издательство: Академия Естествознания, 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://monographies.ru/ru/book/view?id=275>
3. Гендерные различия в выраженности компонентов эмоционального интеллекта. [Электронный ресурс]. URL: <http://psixologiya.org/differenczialnaya/gendernaya-psixologiya/1637-gendernye-razlichiya-v-vyrazhennosti-komponentov-emoczionalnogo-intellekta.html>

4. Изард К.Э. Психология эмоций / Перев. с англ. – СПб: Издательство «Питер», 1999. – 464 с.: ил. (Серия «Мастера психологии»).
5. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. – СПб: Питер, 2001. – 752 с.: ил. — (Серия «Мастера психологии»).
6. Клобуков П.Е. Эмоции, сознание, культура (особенности отражения эмоций в языке) / П.Е. Клобуков // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 4. – М.: Филология, 1998. – 128с.
7. Кулишова О.В. Маска в древнегреческом театре: ее происхождение и сакральные основы. МНЕМОН Исследования и публикации по истории античного мира. Вып.13. – Санкт-Петербург, 2013 – С. 317-324
8. Рогожников М. Об эмоции в политике. [Электронный ресурс]. URL: http://rusrep.ru/article/2011/04/14/ot_redaktora/
9. Стрельницкая Е.В. Лексические средства выражения эмоционального состояния персонажа и особенности их использования при переводе художественных текстов английского языка на русский/ Е.В. Стрельницкая// Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. Номер 3. – М.: Издательство: Московский государственный областной университет, 2010. – С. 133-137.
10. Стрельницкая Е.В. Синтаксические средства выражения эмоционального состояния персонажа и особенности их использования при переводе художественных текстов английского языка на русский. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/sintaksicheskie-sredstva-vyrazheniya-emotsionalnogo-sostoyaniya-personazha-i-osobennosti-ih-ispolzovaniya-pri-perevode-1>
11. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 208с.
12. Шаховский В.И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. – М.: Книжный дом «Либроком», 2010. – 128 с.

Заключение

Цель данной выпускной квалификационной работы состояла в описании эмотивного портрета главного героя романа Е. И. Замятина «Мы». Для ее достижения были определены задачи, которые удалось успешно решить в ходе реферативной и исследовательской работы.

Проанализировав лингвистическую литературу по заявленной теме, описав и проанализировав языковые средства представления эмотивности в тексте романа Е. И. Замятина «Мы» и соотношение между внешним и эмотивным портретом персонажей, мы можем подвести итоги нашего исследования.

Исследуя внешний облик персонажей, мы пришли к выводу, что геометрические фигуры, используемые для описания некоторых из них, можно разделить на две категории, как и самих персонажей. К первой относятся герои, чьи фигуры замкнуты, правильны, непреложны. Таковы квадратные очертания Благодетеля. Сам персонаж – правитель Единого Государства. Фигура квадрата предполагает конечность, непререкаемую ровность всех сторон, правильность положения. Эти характеристики соотносятся с образом Благодетеля, человека, являющегося олицетворением идеала Единого Государства. Ко второй категории героев относятся персонажи О-90 и I-330. В их описание заложены геометрические фигуры, которые не поддаются четким законам построения или функционирования. Фигура О-90, несомненно, круг или окружность. Она обтекаемая, мягкая, но и неспособная существовать в прямых линиях государства. О-90 несет в себе

идею чистой любви, гармонии. Сама по себе фигура круг во многих традициях символизирует бесконечное пространство, космос. Определяющими фигурами для I-330 являются прямая, отрезок и треугольник. Треугольник – фигура, градус углов которой – незафиксированная величина. I-330 в зависимости от ситуации меняет траекторию своего поведения (углы своего треугольника), ей не удается закрепиться в определенной форме, поскольку она не может контролировать все свои чувства, и в первую очередь, неуправляемая любовь мешает достижению цели.

Охарактеризованные женские персонажи иррациональны не только в своем поведении и ощущении действительности, но и эмоционально. На основе сопоставления внешнего облика героинь с их эмотивным портретом мы сделали вывод, что эти категории соответствуют друг другу. Эти персонажи эмоциональны, их эмотивные поля наполнены различными эмоциями (положительными и отрицательными). Данная характеристика противопоставляет женские персонажи мужским, эмоции которых на страницах романа показаны реже, а в эмотивное поле часто входит лишь одна эмоция.

Описав и проанализировав способы представления эмоций в тексте романа, мы определили, что эмоциональная составляющая внутреннего мира главного героя Д-503 характеризуется не только эмоциональностью, но и оценочностью, которая зависит от положительного или отрицательного качества эмоции (положительная эмоция – положительная оценка, отрицательная эмоция – отрицательная оценка). В большинстве случаев представления эмоции в языке романа Д-503 говорит о своем состоянии, так происходит благодаря дневниковой форме повествования, весь мир романа, мы видим так, как воспринимает его главный герой.

Рассматривая ситуации в которых оказывается Д-503 и его реакции на те или иные действия других героев, мы заключили, что Е.И. Замятин описал в своем романе типичного человека, но в нетипичных обстоятельствах новой

цивилизации будущего. Д-503 – в первую очередь, мужчина, поведение которого стереотипно как для времени написания романа, так и для современности. Подобное заключение можно сделать и в отношении остальных персонажей романа.

Проанализировав представление эмоций в тексте романа, мы достигли цели данной выпускной квалификационной работы – описали эмотивный портрет главного героя Д-503. Исследуя язык романа в аспекте теории эмотивности, используя лингвистические и литературоведческие знания, мы пришли к выводу, что мир Единого Государства, описанного Е.И. Замятиным – это не будущее, а настоящее, в котором ведется вечная борьба разума над фантазией.

Список использованной литературы

1. Адамчук Т.В. Тематизация эмоций в тексте. Дисс.... канд. филолог. наук. – Саранск, 1996. – 189 с
2. Анциферова О.В., Ян И. Языковые средства выражения симпатии и антипатии (на материале повести И.С. Тургенева «Первая любовь») / О.В. Анциферова // Материалы XII международной научно-практической конференции «Слово. Предложение. Текст. Анализ языковой культуры» - Санкт-Петербург, 2016. – 12 с.
3. Анисимова А.В. Особенности использования английских эмотивных прилагательных в художественном тексте (гендерный аспект)/ А.В. Анисимова // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. №2. Ч 1. – Санкт-Петербург, 2009. – С. 36-40
4. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: УралГУ, 1989. – 184 с.
5. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник. М.: Флинта: Наука, 2009. – 496 с.
6. Бизюков Н.В. Искусство речевого манипулятора в теоретическом аспекте (на примере автора публицистического дискурса)/ Н.В. Бизюков // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2012. № 3 (21) – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2012. – 412 с.

7. Блум, Ф., Лезерсон А., Хофстедтер, Л. Мозг, разум и поведение – М.: Мир, 2006.
8. Буянова Л. Ю., Нечай Ю. П. Эмотивность и эмоциогенность языка: механизмы экспликации и концептуализации: монография – Краснодар: Кубгу, 2006. – 277 с.
9. Вендина Т.И. Введение в языкознание. Учеб. пособие для педагогических вузов/ Т.И. Вендина. – М.: Высш. Шк., 2002. – 288 с.
10. Дарвин Ч. Выражение эмоций у человека и животных. [Электронный ресурс]. URL: http://vivovoco.astronet.ru/VV/PAPERS/BIO/DARWIN/EMOTIONS/EMOTION_S.HTM
11. Дмитриева Е.Г., Акимова Э.Н. Функции эмотивной лексики в повести о Петре и Февронии/ Е.Г. Дмитриева, Э.Н. Акимова// Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2, Языкозн. 2011. № 2 (14). – С. 45 -49
12. Иванова И. А. Метафорические ряды в романе «Мы» Е. Замятина. – Русская речь. - 2002. - № 5. - С. 20-23
13. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. – СПб: Питер, 2001. – 752 с.: ил. — (Серия «Мастера психологии»).
14. Ибатуллина Гузель Ильгизовна средства выражения эмотивности при переводе художественных текстов с французского языка на русский // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки: электр. сб. ст. по материалам XLIII студ. междунар. заочной науч.-практ. конф. — М.: «МЦНО». — 2017 —№ 3(42) / [Электронный ресурс]. URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/3\(42\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/3(42).pdf)
15. Изард К.Э. Психология эмоций / Перев. с англ. – СПб: Издательство «Питер», 1999. – 464 с.: ил. (Серия «Мастера психологии»).
16. Ионова С.В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема. Дисс... канд. филолог. наук. – Волгоград, 1998. – 197 с.
17. Карпова Ю.А. Средства выражения эмотивно- эмпатийного взаимодействия в условиях речевого общения // Вестник Пермского

университета. Российская и зарубежная филология. 2011. Вып. 4(16). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rfp.psu.ru>

18. Кольцова Н. Мифотворчество Евгения Замятина/ Н. Кольцова// Мы: Роман, повести, рассказы – М.: Детская литература, 2005. – 431 с.

19. Косов В.Т. Междометия современного немецкого языка как особый разряд слов – М.: Изд-во 1-го МГПИ- ИЯ, 1963. – 30 с.

20. Клобуков П.Е. Эмоции, сознание, культура (особенности отражения эмоций в языке) / П.Е. Клобуков // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. Вып. 4. – М.: Филология, 1998. – 128 с.

21. Конюхов Е.А. Языковые средства выражения эмоций в современном русском и немецком песенных дискурсах (на материале песен групп DDT и Rammstein)/ Е.А. Конюхов// Филологические науки. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). 2014. №2 (32). Ч. 2. – Тамбов: Грамота, 2014. – С.107-110

22. Коростова С.В. Эмотивность как функционально-семантическая категория: к вопросу о терминологии. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/emotivnost-kak-funktsionalno-semanticheskaya-kategoriya-k-voprosu-o-terminologii>

23. Кузьмин С.С. Идиоматический перевод с русского на английский (теория и практика). – М.: Флинта 2004. – 312 с.

24. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. – Дубна: Феникс +, 2005. – 488 с.

25. Лебединский М. С, Мясищев В. Н. Введение в медицинскую психологию. Л.: Медицина, 1966. – 432 с.

26. Ленько Г.Н. Уровни анализа текстовой эмотивности (на примере текстов художественного стиля) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Сер.: Филология. 2014. Т. 1, № 2. С. 192–201. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru>

27. Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и эмоции: Конспект лекций. — М., 1971.
28. Мальцева С. Г. Нравственные основания свободы в романе Е. И. Замятина «Мы» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. - № 74-1. С. 326-332
29. Мерлин В. С. Психология индивидуальности. – Воронеж : МОДЭК ; Москва : Институт практической психологии, 1996. – 448 с.
30. Маслова В.А. К построению психолингвистической модели коннотации/ В.А. Маслова // Вопросы языкознания – 1989. – №1. С. 108-120
31. Приложение к приказу Минобразования России от 11.02.2002 г. N 393 О концепции модернизации Российского образования на период до 2010 года [Электронный ресурс]. URL: <http://elementy.ru/Library9/pr393.html>
32. Мы: Роман, повести, рассказы/ Вступ. ст. Н. Кольцовой; Худож. С. Дергачев. – М.: Дет. лит., 2005. – 431 с.: ил. – (Школьная б-ка)
33. Омарова П. М., Дарбишева Х. А. Эмотивное пространство рассказа Д.Г. Лоуренса «Ты тронула меня»/ П.М. Омарова, Х.А. Дарбишева// Филологические науки. Вопросы теории и практики (входит в перечень ВАК). 2015. №4. Ч. 2. – Тамбов : Грамота, 2015. – С.143-147
34. Ревенко И.В. Способы репрезентации эмотивности в художественном тексте (на материале повести В.П. Астафьева «Пастух и пастушка»)/ И.В. Ревенко// Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2016. № 2 (36) – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2016. – 250 с
35. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Пособие для учителя. – 3-е изд., спр. и доп. – М.: Просвещение, 1985. – 399 с.
36. Рыбникова Е.С. К проблеме дифференциации психических и эмоциональных состояний/ Е.С. Рыбникова// Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2010(1). – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева, 2010. – 276 с.

37. Середа Е.В. Морфология современного русского языка. Место междометий в системе частей речи: учебное пособие – М.: Флинта: Наука, 2005. – 160 с.
38. Симонов П.В. Эмоциональный мозг/ П.В. Симонов// Академия наук СССР. Институт высшей нервной деятельности и нейрофизиологии. – М.: Издательство «Наука», 1981. – 166с.
39. Скорospelова Е. Б. Замятин и его роман «Мы». В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. – 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – 80 с. – (Перечитываем классику) [Электронный ресурс]. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/8/e.html
40. Стернин И.Л. Лексическое значение слов в речи. – Воронеж, 1985.
41. Стрельницкая Е.В. Лексические средства выражения эмоционального состояния персонажа и особенности их использования при переводе художественных текстов английского языка на русский/ Е.В. Стрельницкая// Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. Номер 3. – М.: Издательство: Московский государственный областной университет, 2010. – С. 133-137.
42. Стрельницкая Е.В. Синтаксические средства выражения эмоционального состояния персонажа и особенности их использования при переводе художественных текстов английского языка на русский. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/sintaksicheskie-sredstva-vyrazheniya-emotsionalnogo-sostoyaniya-personazha-i-osobennosti-ih-ispolzovaniya-pri-perevode-1>
43. Струве Н. А. Символика чисел в романе Замятина «Мы»/ Н. А. Струве// Е.И. Замятин: pro et contra, антология/ Сост. О.В. Богдановой, М.Ю. Любимовой, вступ. статья Е.Б. Скорospelовой. – СПб.: НП «МОПО «Апостольский город – Невская перспектива», 2014. – 974 с.
44. Теплов Б. М. Психология. М.: УЧПЕДГИЗ, 1953. – 121 с.

45. Федеральный государственный стандарт среднего общего образования [Электронный ресурс]. URL: <http://xn--80abucjiibhv9a.xn--p1ai/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/2365>

46. Фресс П. Эмоции // Экспериментальная психология. — Вып. V. — М.: Прогресс, 1975.-С. 111-195.

47. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексикосемантической системе языка. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. – 192 с.

48. Шаховский В.И. Типы значений эмотивной лексики/ В.И. Шаховский// Вопросы языкознания. №1 – М.: Наука, 1994. – 160 с.

49. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008.

50. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 208с.

51. Шаховский В.И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. – М.: Книжный дом «Либроком», 2010. – 128 с.

52. Шигуров В.В. О ступенчатом характере и пределе интеръекции глаголов в русском языке (на материале императивных образований) // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию 176 Казанского университета (Казань, 4-6 октября 2004 г.): Труды и материалы:/Под общ. ред. К.Р. Галиуллина – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. С.129-131

Приложение А

Использование математических терминов при описании персонажей романа Е.И. Замятина «Мы».

Персонаж О-90.

1. Милая О! - мне всегда это казалось - что она похожа на свое имя: **сантиметров на 10 ниже** Материнской Нормы - и оттого вся кругло обточенная, и розовое О – рот – раскрыт навстречу каждому моему слову. И еще: **круглая**, пухлая складочка на запястье руки - такие бывают у детей.

2. О, совсем другая, вся из **окружностей**, с детской складочкой на руке.

3. **Круглые**, крошечные руки у меня на рукаве, **круглые** синие глаза: это она, О.

Персонаж I-330.

1. В глазах или в бровях какой-то странный раздражающий **икс**, и я никак не могу его поймать, дать ему **цифровое выражение**.

2. Вздернутые к вискам брови — как острые **рожки икса**.
3. Я просто вот видел глазами этот смех: звонкую, крутую гибко-упругую, как хлыст, **кривую** этого смеха.
4. По углам губ — две длинные, **резкие линии** — и **темный угол** поднятых бровей: **крест**.
5. Высоко вздернутые у висков темные брови – **насмешливый острый треугольник, - обращенный вершиною вверх**, - две глубокие морщинки, от носа к углам рта. На все лицо этот неприятный, раздражающий **X – как крест**: перечеркнутое крестом лицо.
6. Я знаю этот упругий стан, гибкий, как хлыст, хлещущий голос — и где-нибудь там вздернутый к вискам **острый треугольник** бровей.

Персонаж Благодетель.

1. Лицо ограничено строгими, величественными, **квадратными очертаниями**.

Персонаж S-4711

1. **Весь двояко изогнутый.**

Приложение Б

Состав поля положительных эмоции героев романа Е.И. Замятина «Мы».

О-90

Восхищение:

- *Да, чудесно. Весна!*

Смущение:

- *робко подняла на меня ... глаза.*

Счастье:

- *Я так счастлива – так счастлива.... Я полна – понимаете: вровень с краями. И вот – хожу и ничего не слышу, что кругом, а все слушаю внутри, в себе...*

Любовь:

- *Я не могу без вас – потому что я вас люблю.*

І-330

Любовь:

- *І положила мне руки на плечи;*

- *Она взяла мое лицо - всего меня – в свои ладони;*

- *И в тебе, наверное, есть несколько капель солнечной, лесной крови. Может быть, потому я тебя и – –*

Счастье:

- Она улыбается легко, весело.

Д-503**Восхищение:**

- непреложные прямые улицы, божественные параллелепипеды прозрачных жилищ, квадратную гармонию серо-голубых шеренг;

- часть огромного, мощного, единого И такая точная красота: ни одного лишнего жеста, изгиба, поворота;

- Но зато – очищенное от тысячелетней грязи – каким сияющим стало лицо земли.

Наслаждение:

- С каким наслаждением я слушал затем нашу теперешнюю музыку

Любовь:

- три раза поцеловал чудесные, синие, не испорченные ни одним облачком, глаза;

- обнимал ее ноги. Целовал колени;

- сделаю так, как она хочет;

- обнял ее ноги, моя голова у нее на коленях;

- я поднял на руки I, крепко прижал ее к себе;

- С легким замиранием сердца я огляделся кругом. Думаю, я искал, ... милые губы O.

Нежность:

- Милая O;

- Она так очаровательно-розово слушала...;

Ю**Забота:**

- **Вы себя губите**, и вам этого никто не скажет – никто
- Нет, нет, *дорогой мой*: я знаю вас лучше, чем вы сами...

Приложение В

Состав поля отрицательных эмоций персонажей романа Е. И. Замятина

«Мы».

О-90

Гнев:

- *Не смейте больше никогда мне об этом! И умру – да, пусть! И вам никакого дела – не все ли вам равно.*

Боль:

- из синих глаз *слеза, другая, третья...*

I-330

Презрение:

- *Я смеялась* очень странно и долго. Потом *пристально* посмотрела на меня... я с вами совершенно спокойна... вы и не подумаете пойти в Бюро и сообщить, что вот я – пью ликер, я – курю ... Какой *наглый и издевающийся тон.*

Благодетель

Презрение:

- *вы тоже? Вы – Строитель «Интеграла»? Вы – кому дано было стать*

величайшим конкистадором. Вы – чье имя должно было начать новую, блистательную главу истории Единого Государства... Вы?

Д-503

Презрение:

- А это – разве *не абсурд*, что государство могло оставить без всякого контроля сексуальную жизнь <...> *«как звери, вслепую, рожали детей;*
- *«я слышал только нелепую, суевликую трескотню струн.*

Страх:

- Эта I меня *почти пугает;*
- *я определенно почувствовал страх, почувствовал себя пойманным, посаженным в эту дикую клетку, почувствовал себя захваченным в дикий вихрь древней жизни.*
- И вдруг – мне молниеносно, до головы, бысстыдно ясно: он – *он тоже их*

Смятение:

- *Я почему-то смутился...*

Растерянность:

- I-330 перехватила, по-видимому, мой *растерянный взгляд*

Раздражение:

- *раздражающая, отталкивающая женщина, странная игра...;*
- Эта I меня *раздражает, отталкивает*
- *Терпеть не могу, когда смотрят на мои руки.*
- *Меня взорвало... Вы, женские нумера, кажется, неизлечимо изъедены предрассудками. Вы совершенно неспособны мыслить абстрактно. Извините меня – но это просто тупость;*
- *шутки я не люблю и не понимаю, а у R-13 есть дурная привычка – шутить;*
- *Мокрые лакированные губы шлепнули.*

Гнев:

- *Я уже почти кричал;*

- *И я закричал еще громче;*

Злость:

- *Я – с необычайно для меня резкостью – сказал.*

Ревность:

- *Не смей! Не смей, говорю*

- *и я настоящий – услышал дикий, отвратительный крик: «Что тоже? Нет: что такое «тоже»? Нет, – я требую;*

- *не хочу, не позволю! Долой ее с рук – сейчас же.*

Волнение:

- *Скорее – к вам в кабинет... Я должен все – сейчас же! Это хорошо, что именно вам...;*

- *И тогда я – захлебываясь, путаясь – все, что было, все написано здесь», «Все это – несуразными комьями, клочьями, клочьями – я захлебывался.*

Безысходность:

- *Я сидел за столом и смеялся – отчаянным, последним смехом – и не видел никакого выхода из своего нелепого положения.*

R-13

Презрение:

- *Знание ваше это самое – трусость! <...> Просто вы хотите стенкой обгородить бесконечное, а за стенку-то и боитесь заглянуть. Да!*

Злость:

- *Но он (R-13) только сердито шлепнул губами, мотнул головой и побежал дальше*

S-4711

Насмешка:

- У него усмешка – молча – все кривее.